

A woman in a dark hooded coat holding a lit candle in a snowy night city.

Дмитрий
ШЕЛЕГ

Я-Ведьма!

18+

Дмитрий Витальевич Шелег

Я – Ведьма!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70006213

SelfPub; 2023

Аннотация

Оля – везунчик по жизни. У неё замечательные родители, хорошее образование, престижная работа, а главное – дружная семья. Заботливый, внимательный муж и самая замечательная дочь... Кажется, что жизнь раскрашена лишь тёплыми тонами предстоящих побед и застывшими на горизонте лучами перспектив. Но что, если в один миг она лишится всего, что ей так дорого? Семьи? Родных? Прошлого и будущего? Здоровья? Не сломается ли под гнётом обстоятельств? Или домашний цветок, любовно выращенный в тепличной среде, сумеет выстоять даже в дикой природе? В чём настоящая сила Женщины?

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дмитрий Шелег

Я – Ведьма!

Все события и персонажи вымышленные, а любые совпадения случайны...

ПРОЛОГ

Метель за окном началась как-то неожиданно. Еще несколько минут назад там царил ясный и морозный январский день, радующий прохожих бирюзовым небом и солнечными лучами. Но стоило только отвлечься на какое-то время, как ситуация в корне изменилась: всё заволокло серыми тучами, ветви деревьев стали нервно подрагивать под порывами колючего ветра, а крупные пушистые снежинки закружились в быстром хороводе.

– Ничего себе! – удивилась и одновременно расстроилась я – Ну нет! Только не сегодня!

– Мама, что случилось? – тут же раздался детский серьезный голосок из глубины квартиры, заставивший меня невольно улыбнуться.

«Такая большая стала! Предложение строит, как взрослая! И когда только успела начать так болтать?» – с удовлетворением подумала я и поспешила ответить любимой доченьке.

– Зайка, тут снег опять сильный пошёл. Боюсь, что из-за него твой папа может опоздать.

С Ульяной я всегда старалась говорить, как со взрослым человеком. Вероятно, именно поэтому она у нас довольно самостоятельная и смыслёная девочка.

«Ну или мне просто хочется в это верить», – с улыбкой думала я, слушая топот маленьких ножек.

На кухню вбежала невысокая русоволосая девочка в белом нарядном платье, такого же цвета колготочках и с двумя небольшими бантиками на очаровательных косичках.

– Он что? Стоит в плобке? – нахмутив бровки, спросила меня старающаяся казаться серьёзной дочка.

Я прыснула от смеха, но всё же ответила.

– Посмотри в окошко. Снег пошёл. Боюсь, что он немножко опоздает.

– Ему нельзя опаздывать! – наставительным тоном, как маленькой, сказала Уля – У меня плазник! Он обещал подарить подалок!

Заметив, как медленно начинает подрагивать её нижняя губка, я быстро опустилась на колени, прижала дочку к себе и поспешила добавить:

– Конечно! Конечно, папа привезёт тебе подарок. Потому что у тебя сегодня какой праздник?!

– День лождения-я-я! – довольно прокричала Ульяна, глядя на меня своими зелёными глазами, и, освободившись от объятий, стала скакать по кухне.

– День лождения! Лождения! У Ули день лождения!

– Так, Ульяна, – строгим голосом остановила я её веселье, так как времени оставалось немного, а дел всё ещё полно – А ты сложила игрушки, как мы с тобой договаривались? Навела порядок в комнате? Помнишь, что скоро придут бабушка

с дедушкой? Ты мне обещала, что поиграешь с куколками, а потом вернёшь их на место.

Маленькая лисичка, как мы иногда с мужем называем Ульяну, отвечать на вопрос не спешила и тут же выдала себя.

– Так, Уля! – Пришло моё время сурово хмурить брови. – Раз ты не убрала в комнате, как обещала, значит, я имею право выключить мультики.

– Нет! Я убелу! – тут же подпрыгнула на месте дочка и поспешила наводить порядок.

Улыбнувшись, я стараюсь тихо подкрасться к детской, одним глазом заглядываю внутрь и наблюдаю, как Ульяна с крайне серьёзным выражением лица складывает своих кукол и посудку в одну из коробок.

Не знаю почему, но эта картина меня трогает. На глазах тут же выступают слёзы умиления, и я так же тихо спешу на кухню, чтобы не отвлекать моего такого взрослого ангелочка.

– Вот дурная! Чего ты опять плачешь? Радоваться надо, – пытаюсь я успокоить себя и, оторвав бумажное полотенце, начинаю аккуратно проводить им под глазами – Блин! Ещё не хватало тушь по лицу размазать.

Вообще, слёзы по любому, самому малейшему поводу – это прям моё. Ударил кто-то, может даже и случайно, как-то обидел или несправедливо поступил, – глаза в ту же секунду наполняются влагой. Так и в детстве было, так нередко происходит и сейчас. Контролировать-то я себя, со време-

нем, всё же научилась, не ребёнок уже, но это лишь в негативных ситуациях. А вот если происходит что-то хорошее, трогательное и милое то пиши пропало.

В такой моей сентиментальности, как мне кажется, больше всего повинны родители, если так, конечно, можно выразиться. Слишком уж домашней и прилежной девочкой они меня вырастили. Платья, косички, достойное поведение, хорошая учёба в школе. Вот и выросло, что выросло.

«Хотя, может, не в них дело? Может, это я сама такая? Я ведь всегда была послушной и доброй. У меня даже в подростковом возрасте протеста не было, – размышляла я, машинально продолжая сооружать бутерброды из багета, масла, красной рыбы и тонкого ломтика лимона – И макияжем я всегда пользовалась мало, лишь для того, чтобы подчеркнуть достоинства и при этом не выглядеть вызывающе. И домой вечером вовремя приходила. Почти всегда. И даже с мальчиками до восемнадцати только целовалась да за ручки держалась. Большего и не позволяла. Так что зря я на родителей наговариваю. Хорошо они меня воспитали. Девочка и должна быть такой: доброй, послушной и воспитанной. Потом она обязательно превратится в красивую, успешную и уверенную в себе женщину».

На этом моменте я тихо усмехнулась.

«Ещё и очень скромную к тому же. Ага. С другой стороны, а почему нет? Сама ведь перед собой я могу говорить откровенно? Разве у меня плохая жизнь? Или она складывается

не так, как мне всегда самой хотелось? Да нет. В этом плане всё как раз хорошо. Я получила достойное образование, нашла отличную нишу и стала неплохим специалистом в своей области. У меня приятная внешность, спортивная фигура, подтянутая после родов до нужных кондиций. Красивый и активный во всех сферах муж, который не просто работает, а достойно обеспечивает семью и думает над покупкой новой квартирой. Ну и главное моё достижение – дочь! Доченька! Моя любимая Ульянка! Красивый, умный, добрый и здоровый ребёнок! Это ли не показатель успешности для молодой женщины?! М-да, Оля, это диагноз. Сама себя не похвалишь – никто не похвалит. Нужно срочно выходить на работу!»

Закончив делать бутерброды, я достала из холодильника одуряюще пахнущую сырокопчёную колбасу из Беларуси и взялась за нарезку.

Глаза словно бы сами собой нашли небольшой тортик с надписью: «Ульяне три года», и на них вновь чуть не навернулись слёзы.

«Даже не верится! Как быстро летит время!» – думала я, а в голове мелькали воспоминания о волнительной задержке, покупке тестов на беременность, нашего первого и второго УЗИ, сложном выборе имени, непростых днях в роддоме, возвращении в украшенную пьяными мужиками квартиру, первом купании, переворачивании на живот и спине, о произнесённом слове «мама».

От воспоминаний меня отвлёк звонок мужа.

– Оля, это я! – начал быстро говорить Сергей. – Не переживай. Я всё нормально успеваю. Только что выбрался из пробки. Скоро буду дома.

– Не забудь подарок в машине, – понизив голос, ехидно напомнила ему я о недавнем конфузе на свадьбе друзей. – Она тебя сильно ждёт. Спрашивает: «Когда папа приедет?».

– Ну что ты начинаешь! – возмутился Сергей. – Это один раз было! И то я успел прежде, чем нам дали слово! Так что перестань меня подкалывать.

– Да я это так, на всякий случай сказала, – отмахнулась я и, не удержавшись, засунула колечко вкуснейшей колбасы в рот. – Всё, ладно, клади трубку и внимательно следи за дорогой. Там сейчас такая метель, что запросто можно в кого-нибудь вписаться.

– Какая метель? – удивился муж – Я со Спортивной повернул, тут ничего такого и в помине нет.

– Ага, давай, разыгрывай меня, – сказала я и, положив трубку, посмотрела в окно, где снег и не собирался прекращаться. – Думал, я поведушь.

В следующую секунду в глазах как-то потемнело, голова закружилась, а по нервам стегануло нехорошее предчувствие.

«Плита!» – первым делом пронеслось в голове и я, кое-как закинув нож в мойку, сделала несколько шагов в сторону, чтобы отключить газ.

Ослабевшими руками перекрыла две конфорки и облег-

чѐнно выдохнула.

«Успела».

В следующую секунду ноги подкосились, и я безвольной куклой упала сначала на колени, а затем и на пол. Лоб тут же взорвался болью, а в глазах стало ещё темнее.

На краткое мгновение я очнулась из-за неестественно громкого крика Ульяны, её горячих слѐз на моих губах, испуганных слов: «Мамочка, что с тобой? Что у тебя болит?» и маленьких тёплых ладошек, которые гладили мою щѐку.

– Всё хорошо... Не плачь... Мама просто устала... Сейчас придѐт папочка и принесѐт подарок, – собравшись тихо прошептала я, желая успокоить ребёнка, но на этом мои силы закончились.

Перед тем как глаза закрылись, я увидела в дверях кухни расплывчатый силуэт неизвестной женщины. Еѐ очертания странно изгибались, и мне на мгновение показалось, что она была одета в какое-то старинное чѐрное платье.

Глава 1

Запах больницы – это первое, что я почувствовала очнувшись. Непередаваемый коктейль из медикаментов, средств санитарной обработки, чьего-то немытого тела и почему-то перегара, заставил меня мысленно содрогнуться.

«Фу! Что это тут так плохо пахнет?» – с недоумением подумала я, а в следующее мгновение мне стало не до этого.

Мозг осознал, что его хозяйка наконец очнулась, и поспешил передать ей сигналы о неисправности организма. По всему телу прокатилась волна сильнейшей боли, заставившая меня скрутиться калачиком и стараться не дышать лишней раз. Все остальные вопросы, не относящиеся к состоянию организма, были на некоторое время передвинуты на второй или даже на третий план.

Боль, казалось, проникала в каждую клеточку моего тела. Раскалывалась и кружилась голова, крутило живот, ломило спину, рёбра, руки и ноги. Меня трясло и едва ли не выворачивало наизнанку. Из глаз ожидаемо прыснули слёзы.

Всё, что я могла делать – это лишь тихо скулить. В голове сами собой появились вполне объяснимые мысли.

«Что происходит?! Почему так больно?»

– Заткнись, сука! Дай поспать! Под хахалем своим стонать будешь! – донёсся до меня чей-то хриплый и очень недоволь-

ный голос, заставивший испуганно замолчать и на время забыть про боль.

«Это она мне? – удивлённая столь яркой агрессией, подумала я и осознала, что нахожусь в палате не одна. – Значит, меня отвезли в больницу и определили в первое попавшееся место, и Сергей пока не успел перевести меня в одиночную палату. Теперь понятен этот неприятный запах».

– Вы не могли бы позвать врача? – каким-то дрожащим и совершенно незнакомым голосом просипела я. – Мне плохо.

На несколько мгновений в помещении воцарилась тишина, за которую я успела услышать тихий храп, едва слышные сдавленные ругательства и чьи-то недовольные вздохи.

– Я тебе что? Шестёрка?! – наконец изумлённо воскликнула хрипая, которую явно удивила просьба позвать врача. – Услышу ещё одно слово, и получишь костылём по своей тупой башке! А не поймёшь, так я тебя тоже в окно выброшу!

Храп вдруг прекратился и в палате раздался недовольный старческий голос.

– Верка! Паскуда! Ты опять напилась и спать не даёшь? Лучше заткнись! Не заставляй братъ грех на душу! А то завтра, во время обхода, сдам тебя, как стеклотару! И вылетишь из отделения своей больной ногой вперёд!

– Так а что я?! Это всё она! Сначала скулит, как собака, потом пошестерить мне предлагает! – с искренним возмущением сказала женщина и, явно пародируя мой голос, как

можно более тонким голосом добавила: – Уля! Уля! Уля!

– Уля, – тут же прошептала я, вспомнив об оставленной дочке, а в голове пронеслось: «Зайка, надеюсь, ты не сильно испугалась»

– Я же говорила! – хрипло рассмеялась моя недоброжелательница и повторила номер на бис. – Уля! Уля!

Но этого, как и последовавшей затем перебранки я уже не слышала. Всё моё естество заполонил страх за дочку, оставшуюся наедине с бессознательным телом мамы.

Мысли о том, что пережила Ульяна в этой ситуации, заставили моё сердце обливаться кровью. Хотелось выть, драть на себе волосы. Душевная боль оказалась намного ярче физической.

«Где она? Что с ней? Она сильно испугалась? Как быстро домой приехал Сергей? Как они там без меня?» – постоянно задавала я себе эти вопросы.

Не знаю, сколько времени я провела в подобном состоянии. Пару минут или несколько часов, но когда ко мне пришло понимание, что ни родителей, ни мужа, на которого я привыкла опираться последнее время, рядом нет, то я отбросила природную скромность и решила действовать. К этому времени все в нашей палате уже спали. Ну или как минимум злая, грубая и недалёкая Верка. Вычислила я это достаточно просто, по сильному раскатистому храпу из дальнего конца палаты, которого раньше не было.

«Так, Оля! Соберись! – сказала я сама себе и поморщи-

лась от прострелившей затылок боли. – Может быть, физических сил для того, чтобы что-то предпринять у меня сейчас нет, но мозги-то, несмотря на удар об пол, у меня вроде остались, и ответить на часть заданных вопросов я могу. Это не так сложно, как может показаться».

Обнадёжив себя, я взялась за дело и тут же успокоилась.

«Итак, на главный вопрос: "Что с Улей?" ответить довольно легко. Она сейчас с Сергеем. В крайнем случае, с Николаем Николаевичем или Людмилой Васильевной. Свекровь – пенсионерка и будет рада понянчить внучку, пока я буду находиться в больнице», – подумала я, вспомнив, как мама мужа на добровольных основах часто забирала маленькую Ульяну на несколько часов, позволяя мне немного отдохнуть, сделать домашние дела или забыться глубоким сном.

Понимание этого факта словно сняло камень с души.

«Доченька точно будет под присмотром опытного и проверенного человека».

Ответ на второй вопрос тоже нашёлся легко, он заключался в первом.

«Уля с Сергеем или свёкрами. Моих родителей можно исключить, к сожалению, они живут в Самаре, за девятьсот километров от Москвы и из-за принятой относительно недавно пенсионной реформы всё ещё продолжают работать. Взять внучку к себе для них будет обременительно, да и не нужно это, если по-честному. За Улей есть кому присмотреть. А вот ко мне в больницу они наведаются в обязательном по-

рядке. Возьмут отгулы и примчатся. Уже представляю, как мама влетит в палату со своими борщами, куриными котлетками, салатиками и полными слёз глазами. Это в неё я такая плакса».

Осознание того, что есть люди, которые меня сильно любят, оставило в душе теплоту и приободрило, однако третий вопрос вновь заставил моё настроение опуститься на уровень плинтуса и наполнить глаза влагой.

Я не обольщалась. Улька испугалась, и испугалась очень сильно. Не знаю, сколько времени прошло с момента моего падения, но стоило только пожелать, и крик беспомощного маленького ангелочка вновь стоит в ушах, а щека словно чувствует нежные прикосновения тёплых детских ладошек.

От этого воспоминания слёзы покатились градом, и я зашла в беззвучных рыданиях. Всегда, когда дочь ударялась, я прижимала её к себе и гладила по пострадавшему месту. Вот и она, поняв, что с мамочкой что-то не так, стала меня гладить, желая помочь мне таким вот образом.

Осознание этого и разрывало мою душу.

«Какая же она у меня всё же хорошая».

Выплакавшись и вновь успокоившись, я продолжила прерванное занятие. Нужно было понять, как быстро вернулся домой Сергей, и не могло ли случиться что-нибудь плохое, пока, за время его отсутствия, а я была без сознания.

«Да не должно было, – наконец пришла к выводу я, пытаясь вспомнить малейшие детали того неприятного момен-

та. – Опасность ребёнку грозила от ножа и томящихся на плите блюд. Первый я сумела закинуть в мойку, а конфорки выключила, это точно».

На миг меня даже гордость взяла за такую скорость реакции. Мол, молодец я, быстро поняла, что нужно делать. Но, как это уже сегодня бывало, следующая мысль опустила меня с небес на землю.

«Плохо только, что моё бессознательное состояние могло её очень сильно напугать. Не дай бог из-за этого случая заикаться начнёт или вообще разговаривать перестанет!»

На глазах вновь проступили слёзы, но я усилием воли постаралась себя успокоить.

«Это ничего, это бывает со всеми. Кого-то и собака так может напугать или паучок. А Сергей у меня хороший, умный и сообразительный. Догадается, что делать в подобной ситуации. Ну или с Людмилой Васильевной посоветуются. Они найдут правильные слова. Отвлекут. Скажут, что мама устала и просто легла поспать... – На этом моменте я вновь чуть не разрыдалась, но усилием кое-как смогла себя успокоить. – В крайнем случае, Ульяшу покажут профильному специалисту. Ну или в церковь к батюшке отведут, а может, и к бабке-ведунье какой-нибудь сводят».

Последняя мысль была не очень приятной. Меня всегда удивляла вера образованной, здравомыслящей и опытной свекрови во всякие сверхъестественные чудеса. Также я, как ни старалась, не могла осмыслить существование одной си-

стемы, в которой может одновременно находиться как священник, исцеляющий силой молитвы, так и всякие чудотворцы, ведьмы и экстрасенсы. Ведь церковь отрицает их существование и способности!

Неприятные вопросы со скрытой иронией иногда крутились в моей голове и требовали выхода. Например, в те моменты, когда Людмила Васильевна настаивала на скорейшем крещении внучки и не позволяла ей смотреться в зеркало. Мол, это может быть чем-то опасно для невинной и незащищённой души ребёнка. Хотелось фыркнуть, указать на несостыковки в подобных умозаключениях и напомнить, что в двадцать первом веке ретроградные ритуалы потеряли свою актуальность. Правда, я себя сдерживала. Не люблю конфликты, да к тому же и ненужные. Повод ведь, по сути, ничтожный. Да и не доказала бы я ничего. Только обидела бы хорошего человека, который искренне желает помочь.

А свекровь, словно ощущая мои сомнения, проникновенным голосом говорила.

– Можешь не верить, Оля. Ничего страшного в этом нет. Как проживёшь с моё, так и сама всё поймёшь. Жизнь научит.

Осознав, что по большому счёту ничего страшного Ульяне не грозит, я облегчённо выдохнула. С моей души словно бы камень свалился, но в то же время вернулась притуплённая страхом боль.

Пulsация в некоторых местах достигала такой силы, что

я, не сдержавшись, вскрикнула.

«Вот это да, – поморщилась я от неприятных ощущений по всему телу и попыталась локализовать самые острые источники. – Это как нужно было за Улю испугаться, чтобы забыть про такую сильную боль? Что вообще происходит? Я просто лбом ударилась или меня машина сбила? Разве такое состояние бывает после банального падения? А может, – я нервно хохотнула про себя, вспомнив слова мужиковатой Верки, – меня действительно в окно выбросили?»

Незатейливый юмор в сложной ситуации придал немного сил и был словно глоток свежего воздуха, который позволил идентифицировать сигналы, посылаемые мозгом.

Особенно ярко пульсировала голова, а если быть точнее, то затылок, по которому словно молотком ударили. Лоб тоже болел, но почему-то с правой, а не с левой стороны, которой я приложилась об пол. Да и вообще, часть лица казалась чем-то инородным, чужим, словно на неё наклепили какой-то грим. Не радовал и нос, частично забитый какими-то тампонами, вызывающими ассоциации с переломом. Но тогда возникал справедливый вопрос о качестве работы врачей, ведь при таких травмах воздух через нос не должен был проходить вообще. А я, вообще-то, чувствую запахи. Может, тогда всё не так и плохо? И я зря себя накручиваю?

С лёгким недоумением отметив специфические знания по подобным повреждениям, почерпнутым неизвестно откуда, я продолжила разбираться с собственными ощущениями.

Болью отдавали рёбра, лопатки с поясницей, локти и, неожиданно, несколько пальцев на правой руке.

К сожалению, лишь этими местами всё не ограничивалось. Боль словно бы была везде, в каждой клеточке организма. Будто я не просто потеряла сознание и упала на пол, а попала под град ударов нелюбящих меня людей.

«Да как это вообще возможно?! – жалея себя и одновременно злясь на судьбу, думала я. – Меня что? С носилок уронили? Или скорая в аварию попала? Других объяснений подобных травм просто нет. Нужно открывать глаза, вставать и разбираться, что со мной происходит!»

Проблемы начались с первого пункта плана, его удалось выполнить лишь частично.

«Божечки! Мне что, выбило глаз?!» – с ужасом подумала я и, едва ли не плача, поднесла руку к правой стороне лица. Пальцы тут же наткнулись на какую-то огромную неприятную на ощупь припухлость, покрытую рыхлой коркой. Лёгкие прикосновения тут же принесли болезненные ощущения, и я поспешила отдернуть руку.

«Это что? Гематома?! Такая огромная? Но как она вообще у меня появилась?» – думала я, не зная радоваться сохранению глаза или расстраиваться из-за новых открытий.

Сердце выбрало второй вариант. Мысли о том, во что превратилось моё лицо, заставили слёзы вновь градом покатиться по щекам.

«За что?! За что мне это всё? – думала я, машинально от-

мечая фиксирующую повязку, наложенную на нос. – В какое угрёбище я превратилась?!»

Однако долго лить слёзы не получилось. Мысленно я всё ещё жалела себя, но частично восстановленное зрение активно поглощало информацию и с каждой секундой подкидывало вопросов ещё больше, чем было у меня до этого.

Дело было в обстановке, которая меня окружала. До того, как открыть глаза, я полагала, что палата будет представлять собой аккуратное помещение с ровными стенами, выкрашенными в персиковый или светло-зелёный цвет, с современными светильниками и мебелью. Словом, примерно в такой, в которой я лежала во время родов.

Реальность же не только разрушила мои ожидания, она словно желала свести с ума своим постапокалиптическим антуражем. Первым делом в глаза бросились старомодные лампы с потрескавшимися металлическими плафонами в форме тарелок. Затем внимание перескочило на желто-серый, в каких-то бурых разводах потолок с частично осыпавшейся и вздувшейся побелкой. Не ускользнул от моего внимания ни какой-то тёмный грибок у алюминиевого вентиляционного отверстия, ни отвратительная, какая-то вся обшарпанная, потрескавшаяся и покрытая нецензурными надписями стена, с местами обвалившейся штукатуркой.

«Это что за клоповник?! Где я нахожусь?! Это что вообще за место такое? Зона отчуждения Чернобыльской АЭС? Полевой госпиталь бенгальских вооружённых сил? Что за тру-

щобы?! – шокировано думала я, пытаюсь понять причины, по которым больница в двадцать первом веке может так ужасно выглядеть. – Да тут развитие закончилось не в девяностых с развалом Советского Союза, а в пятьдесят третьем! Сразу после смерти Сталина, наверное!»

Как ни старалась, но ни одного внятного объяснения своего нахождения в медицинском, прости господи, учреждении подобного типа я не нашла.

«Ну не может этот барак находиться в вылизанной и современной Москве! Ну не верю я в это! – рассуждала я – Другой вопрос, как из нашей славной столицы я переместилась сюда? Скорее всего, куда-то в область. Может, действительно правы те москвичи, которые считают, что за пределами МКАД жизни нет?!»

Рассуждения на бытовую тему на некоторое время меня отвлекли, но всё же нужно было продолжить прерванное занятие, для чего я попробовала немного приподняться на локтях и осмотреться.

Получилось не очень. Болевые спазмы сковали тело, затылок прострелило болью, под рёбра словно спицу загнали, и я вновь опустилась на кровать.

«Нет, Оля! Так не пойдёт! Нужно вставать!» – сказала я сама себе и с третьего раза не только приподнялась, но и полноценно села на скрипучей кровати.

Голова тут же закружилась, во рту появился мерзкий привкус желчи и лекарств, а рёбра стали пульсировать болью, но

не острой, а какой-то тупой. Наверное, именно поэтому я всё же удержала себя в уже занятом положении и осмотрелась.

Несмотря на ночное время суток, видимость была неплохой. На миг я даже удивилась тому, что так хорошо всё вижу, а потом за старыми и потрескавшимися, но всё же частично заклеенными окнами, заметила аномально большую луну. Её свет падал на меня и словно бы дарил силы и уверенность в себе.

В прямоугольной вытянутой палате находилось шесть выдавших виды железных кроватей на колёсиках. По три с каждой стороны. Пять из них были заняты, а одна, рядом со мной, свободна. Всем пациентам сего медицинского учреждения также полагалась кривая тумбочка со скошенной дверкой без ручки. У кого-то она запиралась на изогнутый гвоздь, прибитый каким-то доброхотом.

У дальней от меня стены, между окнами, расположился небольшой стол и несколько табуреток. А с моей стороны, с противоположной, обнаружился чугунный умывальник; крепкая дверь с большим окном над ней, покрытая несколькими слоями краски; выдавший виды шкаф, на удивление ровный и холодильник марки «Минск».

Но больше всего внимания я уделила умывальнику, с него до конца закрытого крана которого медленно капала одна капля за другой.

«Вода!» – тут же подумала я и ощутила сильную жажду. Первая попытка встать с кровати по уже сложившейся

традиции завершилась неудачей. Одежало-то я откинула легко, но вот попытка поставить ноги на пол оказалась ещё большим испытанием, чем приподнимание на локтях. Голова кружилась, меня мутило, и еда грозилась вырваться наружу, слабое тело болело, а ноги были какими-то особенно ватными. Спустя некоторое время я всё же сумела принять вертикальное положение, коснулась голыми ступнями холодного пола и пару минут сидела так, привыкая к такой стойке и борясь с волнами подступающей тошноты.

Наконец, собравшись с силами я, держась за тумбочку и стену, начинаю идти вперёд. Медленно, шаг за шагом, приближаясь к своей цели.

В другой ситуации я бы, наверное, осталась лежать на кровати. Пробовала бы вызвать дежурную сестру. Жалела бы себя и ждала утра. Но сейчас всё было по-другому. Я была одна, мне не на кого было опереться, да и жажда была столь сильна, что просто невозможно её терпеть.

«Это ещё хорошо, что кровать располагается рядом с умывальником, в иной ситуации поход сюда мог запросто превратиться в непреодолимую полосу препятствий», – думала я, медленно поворачивая доисторический кран.

Вода появилась тут же и я, повинуясь инстинктам, опустила корпус вниз, чтобы тут же припасть к живительной влаге. Благо мозги всё же сохранились, и мне удалось напиться, не дотронувшись губами до гусака.

«Мало того, что он грязный, так ещё и Верка могла здесь

пить воду до меня».

Ещё только что у меня во рту было сухо и мерзко. На языке ощущался гадкий привкус желчи и лекарств. Ноги не желали идти. Сейчас же я словно почувствовала прилив сил. Даже тошнота прошла. Правда, благодаря этому, я заметила, что умывальник у нас чёрный и ржавый, плитка вокруг него частично отвалилась, а в месте примыкания к стене поселилась зелёная плесень.

«Брр. И это больница?» – содрогнулась я, а затем, наконец решившись, подняла взгляд на небольшое замызганное зеркало. Нужно было посмотреть, во что же превратилось моё лицо и понять, что со всем этим делать.

Увиденное заставило сердце испуганно замереть, а задрожавшие губы прошептать.

– Нет. Этого не может быть...

Глава 2

Из обшарпанного зеркала на меня смотрело не привычное лицо симпатичной молодой женщины, а персонаж какого-то фильма ужасов.

Верхняя часть головы была неряшливо, но туго перемотана бинтом, из-под которого неопрятными сосульками выглядывали грязные слипшиеся волосы. Лицо горизонтально разделял на две части фиксатор, скрывающий распухший нос со вставленным в ноздри перевязочным материалом. Что ещё хуже, правая сторона лица представляла собой огромную безобразную рану из нескольких частично покрытых коричневыми корками уродливых гематом. Под вторым глазом, белая склера которого теперь стала красной, разместился ужасающего вида желто-фиолетово-коричневый синяк, спустившийся почти на половину щеки. Место губ занимали два опухших окровавленный пельменя. На шее, там, где её не прикрывала затрапезного вида майка, обнаружись синие следы чьих-то пятернёй, словно меня, кроме всего прочего, кто-то долго и вдумчиво душил.

– Эт-то все-го ли-шь со-н. Галлю-цина-ции. Послед-ствия уда-ра, – перечисляла я варианты дрожащим, чужим голосом и машинально сжала руки в кулаки, на что несколько пальцев тут же отреагировали неприятной болью.

Я машинально опустила взгляд на трясущиеся, словно в припадке, конечности и с ужасом обнаружила пропажу.

«Кольцо! Где моё обручальное кольцо! – думала я, вертя ладонь правой руки из стороны в сторону, словно надеялась, что оно чудесным образом вернётся на палец. – Что же я Серёже скажу?!

На моих глазах вновь выступили слёзы, я машинально подошла к кровати и в какой-то прострации села на неё.

Из-за охватившего меня страха я некоторое время не могла думать вообще ни о чём. А затем в голове, словно по щелчку, появилось ощущение какой-то неправильности.

– Не так, – тихо прошептала я и вновь обратила внимание на свои ладони. – Что-то здесь не так, Оля. Думай. Думай!

«Старая, убогая палата где-то у чёрта на куличках. Ужасное физическое состояние, свидетельствующее скорее об избиении, чем о банальном падении, – начала размышлять я, смотря на кисть. – Отсутствие обручального кольца. Забинтованные указательный и средний пальцы левой руки. Обе ладони частично стёртаны, кожа обветренная и сухая. Ногти, – на этот нюанс я обратила более пристальное внимание, – короткие, чёрные, обломанные, и неухоженные. Без следов не то что маникюра, а хотя бы просто элементарного ухода. Ужас! Какая мерзкая кутикула! Фу, а тут что? Заусенец?! Ненавижу их! Заденешь и кровищи будет...»

Я нервно хохотнула.

«Оля, у тебя лицо превратилось в кровавое месиво, всё

тело в синяках и неприятных ранах, а ты из-за какого-то заусенца переживаешь?! Это же чушь! Что тут на хрен вообще происходит?!» – опустив подрагивающие ладони на кровать, я поражённо произнесла:

– Так ведь это же не мои руки! У меня просто физически не может быть таких ужасных рук!

Как ни старалась, но разумного объяснения наличия у меня столь отвратительных конечностей не нашла. Его просто не было. В голове роились какие-то безумные идеи относительно: крайне реалистичного сна, которые тут же разбивались неприятными болевыми ощущениями во всём теле; переселения душ или перемещения во времени; пересадки мне кем-то чужих и страшных рук; бесчеловечным экспериментом инопланетян.

«Нет, ну последнее вообще чушь собачья, – здраво рассудила я. – Что высокотехнологической развитой расе может понадобиться от недавней ничем не примечательной домохозяйки? Зачем им вообще меня похищать? Чтобы на практике показать, как живут женщины с плохим маникюром? Но бред же полный!»

В голову ничего толкового не приходило, поэтому я, поморщившись от боли в рёбрах, машинально встала, и начала медленно ходить взад-вперёд, размышляя над сложившейся ситуацией.

Дощатый пол неприятно охлаждал голые ступни, поэтому я чуть нагнула голову и посмотрела под кровать. Затылок

тут же прострелил болью, и я поспешила вернуть прежнее положение, благо то, что мне нужно, я уже увидела. Точнее, убедилась в отсутствии.

«Тапочек здесь у меня тоже нет. А что вообще есть?»

Осмотр ничего, кроме серых трусиков-бикини и застиранной чёрной майки с принтом какой-то зарубежной рок-группы, не обнаружил. Ни возле кровати, ни в сиротливо стоящей тумбочке ничего не обнаружилось.

– Ну, хоть не голая и на этом спасибо, – ёрническим тоном, но почему-то шёпотом поблагодарила я неизвестные силы и поняла, что ничуть не расстроилась из-за отсутствия одежды.

«Наверное, после лицезрения столь ужасного маникюра моя стрессоустойчивость значительно увеличилась», – пронеслось в голове.

Попытка приободрить себя в этой странной, пугающей и непонятной ситуации провалилась, но и что делать дальше, я тоже не понимала. Не придумав ничего лучше, решила вновь посмотреться в зеркало. Почему-то показалось, что это крайне важно.

«Брр, что за волосы, – содрогнулась я от лицезрения мерзких сосулек на голове. – Только не говорите, что всё это время неприятный запах пота, немытого тела и грязных волос исходил от меня? Ну пожалуйста!»

Меня всю перетрясло от омерзения, а следующая мысль заставила замереть и внимательнее всмотреться в зеркало.

«Что?! Почему у меня чёрные волосы?! Я же всегда была русой! Что происходит? Их тоже инопланетяне перекрасили? Или пересадили?» – недоумённо подумала я, а затем шокировано, не обращая внимания на боль в рёбрах, подняла майку и осмотрела низ живота. То место, где у меня должен был находиться небольшой шрам после операции по удалению аппендицита. Должен был! Но его не было! Как и моих честно отработанных в тренажёрном зале кубиков пресса!

Я с надеждой положила руки на тощую девичью попу, где ещё недавно находились накачанные ягодицы, и поражённо замерла. В голове словно бомба взорвалась, в ушах появился неприятный звон и накатила слабость, из-за которой я покачнулась и едва не упала. Благо успела ухватиться сначала за скрипнувшую тумбочку, а затем и за кровать, на которую я машинально залезла и накрылась одеялом.

«Что со мной происходит? Как такое возможно?!» – дрожа от переизбытка эмоций, думала я, свернувшись в позу эмбриона.

В прострации и обдумывании ситуации я находилась почти до самого утра и лишь после того, как из коридора стали доноситься какие-то звуки, забылась тревожным сном, где меня уже вовсю ждали кошмары.

В них я была не счастливой двадцатисемилетней молодой женщиной, имеющей любящего мужа и прекрасную дочь, а одинокой и забытой всеми девочкой Наташей, жизнь которой состояла лишь из тоски, боли и безнадёжности.

Досмотреть сон я не успела, свет в палате включился, и в неё вошла невысокая дородная женщина с отпечатком недавнего сна на лице и с какими-то листьями в руке.

– Девочки, подъём. Завтрак через час. Не забываем, что после него нужно зайти за таблетками на пост, – сказала медсестра на удивление приятным голосом и тут же, поморщившись, добавила.

– Фу! Верка! Это что за перегар? Опять режим нарушаешь? Живо лезь наверх и открывай фрамугу, чтобы проветрить! Здесь же дышать невозможно! Или хочешь, чтобы тебя за нарушение режима выписали?

– А что сразу Верка! – обиженным тоном сонно протрубила вчерашняя хамка, скрипя пружинами кровати и перешла в наступление. – Это, вообще-то, наша наркоманка так воняет! Мерзость полнейшая! Зачем её к нам подселили?! Ей же шестнадцать лет! Несовершеннолетняя! Пусть в детское отделение идёт!

– Ты ещё меня поучи, куда и кого класть. У нас травма совмещённая, вообще-то, – нахмурилась медсестра и бросила на меня недовольный взгляд. – Хотя ей, конечно, помыться бы не мешало.

– Она что? И правда наркоманка? – с интересом спросила ещё одна пациентка, едва сдерживая зевок. – Я думала, ты это вчера для красного словца добавила.

– Я?! – искренне возмутилась Верка, грохоча оконными рамами. – Да я всегда за базар отвечаю! У кого хочешь спро-

си!

– Да просто она ж дитё ещё! – словно оправдываясь ответила женщина. – Сама ж говорила, что шестнадцать лет всего! И что? Скажешь, уже наркоманка?

– А ты что, её исколотые руки не видела? – вопросом на вопрос ответила Верка.

– Когда успела бы? – удивилась соседка. – Её ж только под вечер принесли. Да ещё и с таким страшным лицом, что я больше ни на что смотреть не могла.

«Неужели они говорят обо мне?» – внутренне похолодела я.

– Это ещё что! – тоном человека, которому известно что-то недоступное другим, сказала Верка. – Мне Петрович по секрету сказал, что её вчера со второго этажа выбросили. Представляете?! Прямо под ноги скорой! В одних только трусах и майке! Ну вот в тех самых, в которых она сейчас!

«Из окна?» – поразилась я, а затылок тут же пронзила острая боль. Казалось, что нужное воспоминание сейчас появится в моей голове, и я сумею проверить подлинность сказанных слов, но помешала Веркина соседка, которая крайне заинтересованным тоном спросила:

– Так может, она вовсе голой была? А мужикам просто неудобно было в этом тебе признаваться?

«А у нас в палате, оказывается, не одна сучка, а сразу две, – сделала себе пометку я. – И непонятно, кто страшнее. Прямая и туповатая Верка, или её явно более хитрая и ко-

варная подружка».

По тому, как неизвестная запросто вела себя с любительницей выпить, я сделала вывод, что они примерно одного возраста, а в следующую секунду и узнала её имя.

– Светка, врать не буду. Не знаю. Может, они действительно пожалели побитую девку. Какая-то слишком уж мужская у неё майка, – согласилась Верка.

– О-о-о, – протянула соседка довольным тоном. – Так получается она не только наркоманка, но и торговка передком? Она же не случайно в чужой квартире голой оказалась? Не просто же так? Правильно я говорю?

«Только не это, только не это, – про себя молила я непонятного кого. – Еаркоманка и проститутка в шестнадцать? Разве можно опуститься ниже?»

– Не, ну ты что! Она не такая! – внезапно стала на мою защиту Верка. – Торговать собой тоже нужно уметь, а ты её видела?! Это ж чучело самое настоящее! Ей только наркоманы не побрезгуют.

«Вроде и оскорбила, но почему-то совсем необидно», – с облегчением подумала я, а Светка всё не желала успокаиваться:

– Ну если раздетая была, то не побрезговали. Правильно я говорю?

– С этим спорить не буду, – тоном знатока произнесла Верка. – Не удивлюсь, если сама за дозу отдалась. А потом кайфовала, когда её по кругу пускали!

«Наркоманка! За дозу! По кругу! – с ужасом повторяла я страшные и чужеродные для себя слова и чувствовала, как что-то внутри меня разрывается на части. – Нет! Это не я! Не могу быть я! Я не такая!»

– Пху, на тебя! Прости, Господи! – вдруг вступила в разговор лежащая напротив меня старушка и, перекрестившись, довольно жёстко сказала: – Да чему ты радуешься, морда си-вушная?! Что у девочки судьба теперь поломана?! Ты лицо её видела?! Если непотребство и было какое, так явно против воли!

– Глафира Павловна, – покачала головой Верка и снисходительно добавила: – Вы уже просто человек пожилой, и не знаете, как у них там бывает. Они сначала одним шприцом на всех уколются, а потом давай сношаться. И раны не помеха. Ведь, как это, под кайфом!

– Говоришь так, словно сама их пробовала, – поджала губы старушка, – специалист.

– Так я по телевизору видела. Там про таких много чего показывают, – тут же отбилась от обвинений Верка и с видом оскорблённой невинности добавила: – И вообще! Если что-то не нравится, то могли бы и раньше остановить, а не слушать моё мнение.

– Да, – поддержала хриплую Светка. – Правильно она всё про эту девку говорит. Наркоманки они такие. Она за дозу ноги раздвинула, а её попользовали и как закончили, так из окна и выкинули. За ненадобностью.

– А вот не правы вы, бабы, – вдруг сказала так никуда и не ушедшая медсестра, которая почему-то оставалась в палате и слушала разговор. – Она ж голая и побитая приехала. Дежурный сразу полицию вызвал и начал проводить медицинское освидетельствование на предмет изнасилования.

– И? – жадно подалась вперёд Верка. – Было что или нет?

– Нет, – сказала медсестра и в ответ тут же раздались какие-то даже расстроенные вздохи.

– Такую историю испортила, – поцокала языком Верка.

«Не было ничего! Не было! – облегчённо думала я, ощущая, как с души словно сваливается огромный камень, на месте которого тут же появляется дикое раздражение на этих сплетниц. – Вот же мымыры! Как они вообще могут расстраиваться из-за подобного?!»

– Но, – вновь привлекла к себе внимание медсестра каким-то торжественным тоном, – она рассказала следователю, что её хотели изнасиловать. Долго избивали, а она раз – и из окна сиганула. Представляете?

– Мать божья! – перекрестилась старушка. Со стороны остальных женщин раздались удивлённые вдохи, а я сама прониклась к Наташе некоторым уважением, хотя у меня шла голова кругом от произошедшего.

– Не ожидала, – произнесла Светка и тут же подначила Верку: – Может, она и не такая пропащая, как ты говорила?

На это заявление невзлюбившая меня любительница чего покрепче крайне обидно рассмеялась.

– Вот вы, бабы, доверчивые! Я не могу! Вам, что не скажи, то вы за чистую монету примите! Это же всё с её слов! Думаю, эту страхолюдину просто не захотел никто. Она дозу не получила и выбросилась из окна. А потом она полиции соврала, чтобы её пожалели, а тех мужиков наказали. Я ж её, сучку, как облупленную знаю! Это ж, можно сказать, соседка моя. Из двадцать пятой квартиры. Она в одиннадцатый класс второй школы ходит. Парень у неё имеется. Он такой же нарик, только лет на семь старше. Уколются они своим шприцом и валяются где ни попадя. Слюни пускают. А как у него ломка начинается, так он мрачный ходит и колотит её. А эта малолетняя подстилка вместо того, чтобы уйти, бежит за ним следом и дозу выклянчивает. А вдруг даст?! Пху на неё!

– А ты, Верка, как будто другая! – недовольно сказала старушка. – У посторонних соринку в глазу рассмотришь, а у себя бревно не заметишь!

– Ты меня с ней не сравнивай, – носорогом взревела хрипая. – Что у нас может быть общего?!

– Зависимость! – отрезала собеседница. – У тебя алкоголь, а у неё наркотики. И муженек тебя также постоянно колотит, как похмелиться не дашь. Или, может, напомнить, кто тебе ногу сломал? Или с чем ты в прошлый раз здесь лежала?

– Зато я не наркоманка! – с видом возмущённой невинности воскликнула Верка. – Я в любой момент могу пить бросить! А она – нет!

– Хе-хе-хе, – не сдержавшись, искренне рассмеялась старушка. – Так же муж мой первый говорил, а потом молодым от цирроза помер.

– Ох, бабы! Заговорила я с вами! У меня ж дел ещё! – вдруг воскликнула медсестра, и выбежала из палаты.

Получившая неожиданный, а главное, справедливый отпор Верка обиженно молчала. Женщины тут же переключились на другую тему и стали обсуждать хороших мужиков, которых загубила водка. А я обдумывала услышанные слова, которые выступили катализатором, открывшим мне ворота к некоторым обрывкам воспоминаний, содержащихся в этой голове.

Я словно со стороны увидела брошенную и одинокую девочку Наташу, которая жила вместе с ужасной бабкой и братом отца – любителем приложиться к бутылке. Старуха была явно не в себе. Внучку не переваривала. Называла ведьмой, бесовым отродьем и частенько лупила без зазрения совести. В школе у неё тоже ни с кем не складывались отношения. Сначала сверстники не любили Наташу из-за отличной учёбы и старомодной некрасивой одежды, бывшей таковой даже по меркам их провинциального города, а затем за отсутствие гаджетов и её непохожесть на остальных. С каждым годом травля усиливалась, ведь дети поняли, что за одноклассницу некому заступиться. Поэтому маленькие волчата с удовольствием повышали самооценку за счёт издевательств над более слабой.

Когда из-за всего этого Наташа стала всерьёз задумывать-ся о самоубийстве, в её жизни появился Артур. Молодой мужчина, который с ходу покори́л сердце неопытной девицы несколькими комплиментами и приветливым отношением.

«Нет! Нет! Он хочет использовать тебя!» – хотелось кричать Оле, видевшей всю сущность Наташиного избранника, который сначала влюбил в себя непрехотливую измученную одинокую девочку, потом воспользовался ей и мягко подтолкнул к наркотикам.

– Ничего страшного не случится, – шептал он ей на ухо. – Это классно! Вот увидишь!

Дурой Наташа не была, она понимала, к чему приводят наркотики, но всё же настолько боялась вновь остаться одной в этом злом мире, что пошла на все условия близкого человека. Девочка не осознавала, что её просто хотят использовать. Ни о какой любви со стороны Артура и речи не шло.

Судя по обрывочным воспоминаниям, он дождался, когда у девчонки наконец начнётся ломка, привел Наташу в незнакомую квартиру и хотел расплатиться её телом за дозу или отдать долг.

Сначала у неё был шок и отрицание, она не могла поверить в произошедшее, а затем из глубины души поднялась такая боль, которая помогла не только побороть ломку, но дала силы сопротивляться. Наташа хотела убежать, но её перехватили и стали жёстко избивать. При этом, что особо ужасно, били трое. В том числе любимый человек. Дальше

всё было как в тумане. В какой-то момент она отключилась от боли, а когда пришла в себя, то с неё уже стащили джинсы.

Девушка ногой оттолкнула в сторону одного из склонившихся перед ней мужчин и, пока остальные не успели среагировать, рванула сначала на приоткрытый балкон, а затем, пользуясь отсутствием остекления, и наружу. Она хотела сделать всё что угодно, лишь бы не попасть в руки этим мерзким уродам.

То, что воспоминания закончились, я поняла из-за потёкших по лицу слёз.

«Бедная девочка. Как она жила все эти годы? Как выдержала всё и не сошла с ума?! Ну почему?! Почему ей так не повезло наткнуться на такого мудака, как Артур? Она ведь могла уехать в другой город, стать студенткой, найти работу и познакомиться с хорошим парнем! У неё всё было впереди! Так нет, блин! Встретилась с уродом, который влюбил в себя девчонку, попользовал и решил продать другим. Сука! – думала я, трясясь от ненависти к этому ублюдку. – Только попадись мне! Только попадись!»

Заметив, как подрагивает под одеялом моё тело, женщины интерпретировали это по-своему.

– Ломка, – с видом знатока прокомментировала Светка. – И куда её родители смотрят? Молодая же ещё! Как можно свою кровинку каким-то наркошам отдать?

– А никуда, – ответила Верка. – Погибли они. Лет так семь назад. Бабка потом её к себе забрала. Хорошая женщина.

Держала Наташку в чёрном теле, хотела человеком вырастить, но, видимо, мамашина наследственность взяла своё.

От словосочетания «в чёрном теле» меня вновь передёрнуло, и появилась чередá новых воспоминаний. Бабка Виталина избивала внучку чем придётся по любому поводу. Называла мерзкой ведьмой и бесовским отродьем, но почему-то в детский дом не отдавала. Видимо, на опекунские деньги можно было неплохо выпивать.

Увиденное тянуло за собой всё новые и новые воспоминания. Отчего мои волосы вставали дыбом, по спине маршировали толпы мурашек, а голова шла кругом.

«Как это вообще возможно? Меня ведь зовут Оля! Мне двадцать семь лет! У меня есть дочка, муж, семья, любящие родители, которые воспитывали меня совсем по-другому! Как я оказалась здесь? В этом месте? В теле несчастной девочки Наташи? Это не моя жизнь! Верните меня назад!» – кричала я про себя.

К сожалению, вселенной, или кто бы там ни перенёс моё сознание, было плевать на мольбы. Время шло, но ничего так и не изменилось.

Мелькнула спасательная мысль, что я могу просто находиться под наркозом, который подкидывает мне жуткие видения, однако, рёбра вновь прострелили резкой болью, и надежда на этот вариант пропала.

«В галлюцинациях таких ощущений не бывает, – расстроено подумала я, а из глаз вновь покатились слёзы. – За что

мне всё это? За что?! Я ведь не сделала в жизни ничего плохого! Была добрым и отзывчивым человеком! Что теперь со мной будет? Как я дальше буду жить без своей Ульки?!»

Мысль о том, что моя малышка где-то очень далеко, доставляла мне чуть ли не физическую боль. А от невозможности увидеть её, обнять и поцеловать стало так горько, что я рыдалась вслух, уже никого не стесняясь.

– Эх, бабы! – с упрёком в голосе произнесла Глафира Павловна. – Она же девочка ещё молодая! Прошла через такие испытания! А вы её всё полощите и никак не перестанете!

– Да ничего с этой обколотой не станет! – отмахнулась Верка и, не желая признавать вину, добавила: – Что вы её жалеете?! Да на ней же крест ставить можно! Она ж конченная! У неё вообще, этот, как его там, гепатит! Или СПИД! Они ж наркоманы, все с одной иглы колются! Я знаю. У Маляхова в передаче видела.

«СПИД? Гепатит? – трясаясь от страха, думала я – Только не это. Пожалуйста! Если мне придётся дальше жить в этом теле, то хотя бы не больной! Я со всем справлюсь! Все испытания пройду! Но только не это!»

Пока я дрожала от страха и обращалась к высшим силам, где-то в коридоре громко прокричали: «Завтрак». и Верка, тут же подхватив свои костыли, уверенно двинулась в столовую. Остальные соседки тоже стали собираться за ней, а мой заурчавший живот, подсказал, что было бы неплохо перекусить.

Откинув одеяло в сторону, я медленно приподнялась на локтях, села, а затем скинула ноги на пол. Не знаю почему, но эти действия дались мне намного легче, чем ночью.

– Внученька, – услышала я голос старушки. – Ты куда? Тебе пока кушать нельзя. Сначала кровь надо сдать и вместе с тарой сходить в туалет.

Я перевела взгляд на свою тумбочку и отметила появление на ней небольшой баночки и направления на анализ, которые кто-то положил, пока я витала в воспоминаниях Наташи.

– Спасибо. И за подсказку, и за то, что не берёте на веру все плохие слова обо мне, – поблагодарила я защищавшую меня старушку и, наконец, перевела на неё взгляд.

Глафира Павловна оказалась невысокой полноватой ухоженной бабушкой с добрым лицом и белоснежными волосами, собранными в хвост. На ней был симпатичный выстиранный халатик в ромашку, длинные серые носки и синие резиновые тапочки.

– Ты только не принимай близко слова этих змеюк. Перебирают чужое горе, чтобы о своём не забывать, – отмахнулась старушка и беззубо улыбнулась. – Договорились?

– Постараюсь, – сказала я, обрадовавшись, что нашёлся человек, который не против поговорить, и решила кое-что проверить. – А вы не подскажете какое сегодня число?

Старушка явно удивилась моему вопросу, а затем кивнула, достала из кармана фиолетовый раскладной телефон, от-

крыла его и вгляделась в маленький экранчик.

«Вот что мне нужно!» – поняла я, смотря на старомодный «самсунг» в руках старушки, как путник на воду в пустыне.

– Двадцать четвёртого января, – наконец высмотрела нужную информацию моя собеседница.

«Всё правильно! – чуть не подпрыгнула на месте я – Вчера было двадцать третье! День рождения Ульянки! А значит, я переместилась в это тело сразу же после падения! Но что со мной всё же случилось?!»

Следующая мысль заставила холодный пот выступить на коже.

«Так, если я здесь, то что происходит с моим телом? Кто в нём? Неужели там Наташа?»

– Что случилось? – заметив взгляд, с которым я смотрела на телефон, спросила Глафира Павловна. – Тебе нужно позвонить?

– А можно? – уточнила я и в глазах вновь появились слёзы.

«Только не Наташа, только не она».

– Бери, деточка, бери. Я вижу тебе нужно, – сказала старушка, без опасений протягивая телефон.

– Спасибо, спасибо, – произнесла я, дрожащими руками приняв раскладушку и быстро набрала хорошо знакомый мне номер.

Через некоторое время в динамике раздались гудки, а затем я вздрогнула, услышав хорошо знакомый мне голос, мой

голос.

Было что-то жуткое в том, чтобы звонить самой себе, что-то неправильное.

По моей спине тут же промаршировал целый легион мурашек и я, дрожащим от волнения голосом спросила первое, что пришло в голову.

– Алло, это Ольга?

Ничего умнее я не придумала, всё же в глубине души не верилось, что мне кто-то ответит.

– Да, а кто это? – удивлённо спросила Оля, услышав незнакомый голос, а я, наконец, поняла, что и как нужно сказать.

– Это Наташа Фролова, – чётко произнесла я, внимательно вслушиваясь в происходящее на том конце и боясь услышать хоть какую-то реакцию на это имя.

– Кто? – тут же с недоумением спросила моя московская версия, вызвав небывалое облегчение.

«Пришла пора узнать ответ на другие вопросы», – подумала я и, сориентировавшись, добавила:

– Из больницы. Как вы себя чувствуете? Как ваша голова?

– А, так вы врач? – облегчённо выдохнула понявшая всё по-своему собеседница и поспешила ответить: – Спасибо. Всё уже хорошо. Голова, конечно, побаливает, но вроде тошноты и головокружения нет.

– А как ваша Ульяна? Не сильно испугалась? – задала я следующий вопрос, от которого в горле тут же пересохло.

– Спасибо большое, всё хорошо. Слава богу, муж пришёл

вовремя и услышал, как я упала, – тяжело вздохнув, ответила Оля.

«Так тот непонятный тёмный силуэт в дверях, который я видела перед тем, как потерять сознание, был Серёжей?» – облегчённо подумала я и поспешила закончить разговор.

– Всё понятно. Выздоровливайте.

Нажав кнопку отбой, я сложила телефон, отдала его Глафире Павловне и как можно искренне поблагодарила.

– Спасибо! Большое спасибо! Не передать, как сильно вы мне помогли!

– Я думала, ты подруге позвонишь или бабушке своей, – недоумённо посмотрела на меня старушка, а затем явно что-то поняв произнесла: – Ой, Наташка! У тебя ж, наверное, голова болит после удара. Ты лежи пока, детка. Не спеши ходить. Позовут тебя.

«Она думает, что я не в себе и позвонила случайной знакомой вместо близкого человека, – принимая горизонтальное положение и чувствуя себя абсолютно счастливой, поняла я. – Плевать. Главное я выяснила, что Ульяновкой всё в порядке. Сергей пришёл домой вовремя и не дал ей сильно испугаться. Да и приятно знать, что в моё тело не подкинуло никого лишнего. Мне-то Наташу, конечно, жаль. Но не хотелось бы, чтобы такой человек занял место рядом с моей семьёй. Лучше уж там буду вторая я, чем кто-то другой. Как бы безумно это ни звучало».

В это же время отделение реанимации и интенсивной терапии городской клинической больницы № 15 г. Москва

Молодая русоволосая женщина с плотно наложенной на голову повязкой типа «Чепец» поставила телефон на беззвучный режим, заблокировала его и положила в щель между медицинской аппаратурой. Затем вернулась в положение, которое занимала перед тем, как зазвонил телефон.

Некоторое время она наполненными тьмой глазами безучастно смотрела перед собой, а после того как жуткая пелена развеялась, веки тут же закрылись. Только лежащий в неприметной нише мобильный телефон намекал на то, что здесь произошло нечто странное.

Глава 3

– Фролова, ты кровь сдавать собираешься? – услышала я недовольный голос вошедшей в палату женщины. – Сколько тебя ждать можно?!

– Уже? – очнувшись от размышлений и повернув голову в сторону двери, спросила я, а затем начала медленно подниматься. После того как эйфория от прошедшего разговора по телефону улетучилась, у меня вновь разболелся затылок.

– О господи! – увидев моё скривившееся и побитое лицо, вздрогнула фельдшер-лаборант в симпатичном бирюзовом костюме, шапочке такого же цвета, одноразовой маске и с целлофановым фартуком поверх чистой одежды. – Это кто ж тебя так, девонька?!

– Да уроды одни, – тяжело вздохнула я, вспомнив похотливые лица незнакомых мужчин, к которым меня привёл Артур, и после небольшой паузы почему-то призналась: – Хотели изнасиловать.

«Блин, словно специально так говорю, чтобы она меня пожалела и чем-то помогла, – пронеслась в голове неприятная мысль, из-за которой вдруг неловко. – Нет. Нельзя так говорить. Не хочу, чтобы ко мне относились по-человечески только из-за этого факта. Хотя, конечно, женскую солидарность никто не отменял».

– Скверная история, – после небольшой паузы произнесла вошедшая и неожиданно спросила: – А полиция уже в курсе?

– Вчера приходила, – ответила я, вспомнив слова медсестры.

– Хорошо, – задумчиво кивнула она и встрепенулась. – Ладно, чего мы тут всё лясы точим. Пойдём, нужно у тебя кровь взять на анализы.

– Э-э-э, – растерянно протянула я, – а по-другому никак? У меня кроме майки и трусов вообще ничего нет. Я в чём была, в том и выбросилась из окна.

«Опять звучит так, словно я пытаюсь похвалиться своим поступком», – пронеслась в голове недовольная мысль, и я быстро добавила:

– Вы не подумайте плохого. Просто по-другому никак невозможно объяснить отсутствие базовых вещей. Приходится говорить правду, как она есть.

– Из окна? – поражённым шёпотом спросила женщина и, словно опомнившись, добавила: – Ничего себе не сломала?

– Там всего лишь второй этаж был, да и снег падение смягчил, – сказала я после того, как в голове вдруг вновь мелькнуло это воспоминание, из-за чего я ощутила сильную душевную боль Наташи, вызванную столь подлым предательством любимого человека. – А по-другому никак не получалась. Иначе они бы меня...

– Всё-всё-всё, девочка, успокойся, – быстро заговорила женщина, заметив появление слёз. – Не думай о плохом.

Сейчас всё организуем.

– Надя, вы чего тут? Совсем ополоумели?! – донёсся до меня приглушённый голос лаборантки, когда дверь закрылась. – Вы что бедной девчонке сланцев и халата не можете найти? Вообще, что ли?

– А нам их что, тут выдают? Или мне в магазин сходить и со своей зарплаты купить? – раздался голос знакомой медсестры, которая заходила в палату утром.

– Кому ты рассказываешь? У вас же целая коробка оставленных вещей! – продолжила давить пришедшая. – Алкашам всяким так вы всегда что-нибудь найдёте, а молодой избитой девчонке, которую чуть не изнасиловали, нет.

– Кому надо, тот сам подойдёт, – огрызнулась Надя. – Или из палаты кого-нибудь попросит. Как будто дел у меня других нет – за пациентами задницы вытирать, не маленькие.

– У тебя сердце-то хоть есть? – недоумённо спросила моя защитница. – Ты лицо это побитое видела? Знаешь, через что ей пришлось пройти?

– Да у меня каждый день по десять человек таких. И с попыткой изнасилования этой тоже ещё не всё ясно. Может, и нафантазировала она себе, – отмахнулась медсестра, а затем, выдержав небольшую паузу, добавила: – Ладно, сейчас что-нибудь принесу. Не думаешь же ты, что мне реально жалко? Времени не было, дежурство сдаю.

Лаборантка, что-то ответила и вновь вошла в палату, а я услышала её едва заметное ворчание.

– Может, и не жаль, да только ты всё время сидишь на своём стуле и задницу оторвать боишься. Деловая, блин.

Словно спохватившись, женщина сначала замолчала, а затем добавила:

– Так, я обо всём договорилась. Мы сейчас тебя приоденем, а потом пойдём колоть пальчик.

– Спасибо большое, – вздохнула я, чувствуя благодарность к равнодушному человеку. – Думаю, что если бы не вы, то обо мне никто бы и не вспомнил. Соседки меня не сильно жалуют.

– Ничего, – отмахнулась женщина и, подойдя чуть ближе, заметила синяки на моих руках со следами уколов, после чего вмиг построжевшим голосом спросила: – Это же не от капельниц? Верно?

– Я больше так не буду, – со смесью горечи и стыда сказала я, цепляя руки в замок и помотала головой, совсем как моя Уля, которую застали за чем-то нехорошим. – Честно-честно! Вы не смотрите на это! Так получилось!

Почему-то мне совершенно не хотелось выглядеть падшим человеком в глазах этой доброй женщины, которая не прошла мимо моей беды. Точнее, мне в чужих бы не хотелось казаться плохим человеком, но в её особенно.

– Теперь понятно, как ты в такой ситуации оказалась, – сказала она задумчиво. – И почему Надя ведёт себя так странно.

– Получается, что если пробовала наркотики, так не чело-

век вообще? – почему-то обиделась я. – Значит избивать можно, насиловать и издеваться? Потерянная душа ведь! Подумаешь!

– Я этого не говорила, – покачала головой женщина. – Но уверена, что не будь у тебя пристрастия к подобным вещам, то и в такой ужасной ситуации ты бы не оказалась.

– Вы правы, – признала я. – Извините, что не сдержалась. Просто столько всего накопилось, ещё и всё тело везде болит.

«Не влюбись Наташа в Артура, то он бы не посадил её на наркоту и не пробовал продать своим друзьям», – подумала я.

Женщина на мои слова никак не отреагировала, поэтому я решила у неё кое-что узнать как у специалиста.

– Скажите, а по этим анализам можно проверить отсутствие у меня различных болезней?

– ВИЧ, гепатит, сифилис? – строго спросила женщина, заглянув в глаза.

– Да, – кивнула я, опустив взгляд.

Слова Верки о возможном наличии у меня страшных болезней всё никак не выходили из головы, постоянно мелькали где-то на периферии. Подтачивая сознание и так расшатанное самим фактом переноса и личностью моего нового тела.

– У тебя ещё вчера сразу после поступления должны были кровь из вены взять. Не помнишь, о таком, что ли? – спро-

сила женщина.

– Не в том состоянии была, – не стала объяснять нюансы я и с надеждой спросила: – Так что получается? Её уже проверили? Я смогу узнать результаты?

– Не так быстро, – покачала собеседница головой и кивнула на мои руки. – Слишком много тестов в твоём случае нужно провести. Думаю, дня через три всё будет известно. Хотя, возможно, какие-то результаты уже есть. Уточнишь у лечащего врача на обходе.

Моё лицо вновь покраснела от стыда, и я стала мысленно костерить Наташу за выбор её жизненного пути, хотя и понимала, что девочка просто попала в подобные обстоятельства.

Женщина, заметив переживания на моём лице, неожиданно жёстко спросила:

– А что же ты только сейчас о своём здоровье задумалась? Когда кололась, так никаких мыслей не возникало? Может, и правда тебя никто насиловать не пытался? Навешала мне лапши, а я, дура, и поверила.

– Нет! Я вас не обманывала! – подняла я на неё сердитый взгляд и помотала головой сильнее, чем было нужно, отчего затылок тут же прострелило от боли. – Как вообще можно женщине шутить на такую тему? Или, может, думаете, что я ещё и сама себя так избивала?

Мне захотелось разубедить её. Рассказать, что я не такая. Совсем другой человек! Что меня вообще зовут Оля, и я

невероятно далеко от всего того ужаса, который происходил в жизни Наташи. Но, я сдержалась. Усилием воли мне всё же удалось промолчать.

«Ситуация и так далеко не радужная, не нужно дополнительно её усугублять. А то ещё в психушку отправят, и тогда всё станет намного сложнее», – пронеслось в голове грустная, но правильная мысль.

Прерывая наш разговор, в палату вошла уже знакомая мне полная медсестра. Она бросила на пол чёрные резиновые сланцы и положила на кровать синий застиранный халат, как у санитарок.

– Вот, – сказала она и с вызовом посмотрела на лаборантку. – Лучше ничего нет.

– Спасибо большое, – поспешила как можно более искренне поблагодарить её я и развернула одежду.

Халат был несколько большеватым, потёртым, имел какие-то странные выцветшие и не отстирываемые пятна, а также один надорванный карман. Но главное, он прикрывал мою наготу и позволял наконец выйти из палаты. В тот же туалет, к примеру, уже хотелось сходить.

– То, что нужно! – прокомментировала я и с трудом из-за боли в рёбрах накинула его на себя.

Медсестра почему-то несколько смутилась. Ожидала, что я начну качать права и требовать что-нибудь получше? Или потому что в её заглазниках было что-то более подходящее, но она мне пожалела?

«Даже если и так, то плевать, — подумала я, засовывая ноги в тапочки, — главное, что теперь не видно трусов и обколотых руки. Этого пока будет достаточно».

— Другое дело, — проследила за моим переоблачением лаборантка. — А теперь всё же пойдём на пост и возьмём пробу, а то мне ещё в два отделения зайти нужно.

— Баночку для анализа не забудь, — строгим голосом подсказала мне медсестра, кивнув на тумбочку, и, когда мы все вышли в коридор, указала мне рукой, где находится туалет. — Потом сходишь и баночку оставишь на подоконнике. Ясно?

— Да, — кивнула я, внимательно осматриваясь по сторонам.

Больница за пределами палаты вызывала не менее гнетущее впечатление, чем внутри. Тёмно-серые потолки со старыми лампами. Крепкие много раз перекрашенные двери. Грязные, замызганные стены с обвалившейся штукатуркой и чуть ли не советские плакаты, информирующие пациентов о пользе гигиены и о способах правильного наложения шин при переломах.

На фоне царящей разрухи особенно выделялся находящийся в достаточно широком отрывке пост медсестры, который представлял собой современную модульную конструкцию из тёмно-коричневой ДСП. Он казался инородным предметом на фоне ужасных стен и потолка, которые здесь находились лишь чуть в лучшем состоянии, чем в том же коридоре.

Также тут отдельно располагался небольшой стол с вы-

ставленными на него приспособлениями для забора крови, два стула и довольно современная медицинская сумка фельдшера-лаборанта, стоящая на полу.

– Садись, – сказала женщина, занимая место во главе стола, а затем дождалась, когда я сяду, и взялась за дело.

Спустя примерно минуту я была свободна и как можно быстрее направилась в туалет.

«М-да!» – первое, что подумала я, осмотрев небольшое помещение со старомодной, местами отсутствующей квадратной плиткой голубого цвета, и ощутив щедрую порцию хлорки, которую использовала уборщица для дезинфекции. В санитарном узле, как значилось на табличке, имелись: раковина для мытья рук; три деревянные кабинки, выкрашенные тёмно-серой краской и обеспечивающие приватность; а также огромное, почти во всю ширину стены окно с большим подоконником, на который женщины и ставили свои анализы.

Самое печальное для меня в данный момент заключалось в том, что две ближайшие к выходу кабинки были заняты, а свободной оказалась лишь третья, которая располагалась у окна и не имела одной перегородки. Получалось так, что с улицы частично открывался вид на человека, пришедшего сделать свои дела. Благо хоть, что сейчас утро и обзор ограничен, но вечером, подозреваю, ситуация меняется.

«Хорошо ещё, что отделение находится на втором этаже, – думала я, заходя внутрь и закрывая защёлку. – Было

бы некомфортно занять место и обнаружить свои глаза на одном уровне с прогуливающимся по улице человеком».

Стараясь не смотреть на ржавый и страшный унитаз в виде чаши, я с трудом, из-за боли в рёбрах присела, сделала своё дело и уже другим взглядом посмотрела на подоконник, за который так удобно было держаться. Неожиданно я наткнулась на незамеченный ранее початый рулон туалетной бумаги.

«Вот так удача! – обрадовалась я и, сжав находку, засунула себе её в карман, а затем, так и не открыв дверь, замерла. – Блин. Её же, наверное, кто-то забыл? Она же чужая? Может быть, ребёнка какого-нибудь?»

Я достала рулон из кармана, посмотрела на него, а затем тяжело вздохнула и положила назад.

«Оставляю себе. Пока что у меня просто нет другого выбора, – подумала я, чувствуя, как негодует внутри совесть. – Вообще же пока ничего нет! Хорошо хоть тапочки и одежду какую дали».

Оставив анализы на подоконнике и помыв руки, я вышла из туалета. Совесть всё ещё продолжала ругать меня за малодушие и низость нравов, но громкий резкий звук заставил отвлечься от переживаний.

– Ух ты ж ё-маё! – уставился на меня возрастной усатый мужчина с небольшим пузиком, вышедший из палаты в коридор.

Заметив мой взгляд, он тут же нырнул назад, и до меня

донёлся его громкий восторженный шёпот:

– Мужики! А вы новую Квазиморду видели?! Ну с лицом отбитым! Ух и страшная же!

«Сам такой! – обиженно подумала я. – Мужчина ещё называется. Не мог промолчать или сделать вид, что всё нормально? Не понимает, что ходить с таким лицом – это не личный выбор молодой девушки? Что его слова, вообще-то, ранят прямо в сердце? Сплетник старый!»

Пройдя чуть вперёд на запах еды, я вышла из травматологического отделения и оказалась в небольшом холле. Справа от меня размещалась широкая белая пластиковая дверь с приклеенной красной табличкой «Столовая», чуть ниже были закреплены два прозрачных кармана. В одном находилось меню на сегодня, а во втором график приёмов пищи.

Напротив разместилось другое отделение больницы – неврологическое. О чём красноречиво свидетельствовала старая, но внушительная надпись над двухстворчатыми дверями.

Также в холле обнаружились: два лифта, один из которых предназначался для перевозки лежащих больных; выход на лестницу и разместившийся в углу кабинет сестры-хозяйки.

Завершив разведку, я на входе в столовую едва не столкнулась с пожилым седым дедушкой, голова и руки которого находились в постоянном движении, а затем, пропустив его, зашла внутрь. Данное помещение, несмотря на мои опасения, выглядело неплохо. Ровные, выкрашенные в жёлтый

цвет стены, современные стенды с нормами довольствия, пластиковые окна, полтора десятка относительно неплохих столов, рассчитанных на четыре персоны, ну и стулья к ним.

– Фу! Посмотри на неё! – услышала я чей-то брезгливый детский голосок, и меня словно окатило помоями. – Бомжиха какая-то!

За дальним столом обнаружили три девушки-подростка, которым было около пятнадцати, может быть, шестнадцати лет. Они были одеты в симпатичные костюмы, успели раскрасить лица вызывающим макияжем и держали в руках телефоны.

– Бе-е! Она на нас смотрит! Меня сейчас вырвет! – сказала вторая из них.

– Бежим отсюда, а то ещё заразимся какой-нибудь чахоткой, – предложила третья и они со смехом, более подходящим каким-то гиенам, чем симпатичным девчонкам, выбежали из столовой.

«Вот же мелкие сучки! Да сами вы бомжихи чахотные! Ну ничего! Дайте только время прийти в себя! Уверена, со своими знаниями я быстро приведу это тело в порядок. Тогда и поговорим!» – думала я, трясась от переполнявших меня эмоций.

– А тарелки на мойку отнести?! – услышала я злой крик какой-то женщины, подходя к открытой двери с биркой «Раздача».

Это помещение было разделено на две части. В передней

располагались железные столы с несколькими массивными зелёными термосами, а в задней – большие умывальники. Именно там сейчас стояла ко мне вполоборота полная женщина и скидывала остатки еды с тарелок в большое ведро.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я. – Можно позавтракать?

– Раздача закончилась! – недовольно ответила она мне.

– Я Петр... Фролова, – быстро поправилась я. – Из травматологии. Кровь сдавала.

– Как же они меня все задрали! – зло произнесла женщина, обращаясь непонятно к кому. – Одни – на процедуры ходят! Вторые – кровь сдают! Третьи – спят долго! Четвёртые – не знают, куда нужно грязную посуду нести! Я вам что, официантка?! А?!

Она повернулась ко мне и вздрогнула, увидев кусок мяса, в которое превратилось моё лицо.

– Э-э-э. Нет, – ответила я, и живот тут же утробно заурчал.

– Краше в гроб кладут, – прокомментировала она, откладывая тарелку в сторону, и смилостивилась надо мной. – Сейчас, подожди, я оставляла несколько порций как раз на такой случай.

«Чего же тогда на меня ругалась?!» – с недоумением подумала я, но всё же кивнула, от сосущего ощущения в животе вновь закружилась голова.

Женщина появилась почти сразу и вынесла мне порцию непонятной подсохшей коричневой каши, одно яйцо и два

ломтика свежего хлеба.

– А чашка твоя где? Ложка? – спросила она, поставив всё на ближайший стол.

– Нету, – опустила глаза я, ощущая очередной приступ неловкости, но быстро взяла себя в руки. – Может, у вас что-нибудь найдётся? Я верну после выписки. Честно.

– Знаем мы таких честных, – проворчала женщина, но всё же сходила к себе и принесла железную чашку без ручки и алюминиевую ложку.

– Спасибо вам большое, – как можно более искренне сказала я и дрогнувшим голосом вновь добавила: – Спасибо.

Первый раз в жизни я находилась в настолько затруднительной ситуации. У меня не было элементарных базовых вещей и даже возможности обратиться к кому-нибудь из близких за помощью. Ни к увиденной в воспоминаниях бабке, ни к её сынку доверия не было, как, впрочем, и к ублюдку Артуру. Странное и необычное чувство зависимости от милости чужого человека мне очень не понравилось, но, к сожалению, пока я не могла ничего изменить. Приходилось приспособливаться и переступать через свою гордость.

– Ешь уже! – отмахнулась женщина и повелительно добавила: – Потом, как закончишь, принесёшь мне тарелки с дальнего стола. Поняла?

– Да, – кивнула я и тут же набросилась на еду.

Каша оказалась незнакомой, очень странной на вкус и явно сваренной на воде. Только вот выбирать не приходилось,

и я смолотила её в мгновение ока.

– Первый раз вижу, чтобы сечку так быстро ели, – прокомментировала увиденное женщина, а затем, пока я чистила варёное яйцо, принесла ещё одну порцию каши и хохотнула: – Тётя Клава сегодня добрая.

– Спасибо большое, – обрадовалась я и расправилась с новой тарелкой так же быстро, как и с предыдущей. Затем пришла очередь яйца и разбавленного едва сладкого чая с двумя кусочками свежего хлеба.

Оставив закреплённые за собой приборы на столе, я отнесла свои тарелки женщине.

– Когда придешь на следующий приём пищи, то заноси пустую тару через другую дверь, которая на коридоре. Увидишь, как делают остальные, – сказала она мне.

Я кивнула, а затем подошла к дальнему столу, за которым недавно сидели девочки-подростки. Конечно же, убираться за ними мне совершенно не хотелось. С куда большим удовольствием я бы закинула эти тарелки с размазанной кашей им за шиворот. Однако меня об этом попросила местная работница, которая, несмотря на крик и внушительный вид, отнеслась к избитой девушке по-человечески. И чашку с ложкой дала, и лишней порции не пожалела, которая была очень даже кстати.

Осмотревшись, не видит ли кто, я взяла в руку чьё-то нетронутое яйцо, затем смела скорлупки, лежащие прямо на столе в одну из тарелок и отнесла всё это на раздачу,

при этом успев закинуть добычу в уже свою металлическую кружку.

– Спасибо вам большое. Я обязательно всё верну, – ещё раз поблагодарила я за её приборы.

«И за то, что сказала убрать на столе, позволив мне раздобыть ещё одно варёное яйцо, – подумала я, – белок моему ослабленному организму лишним точно не будет».

– Иди уже, поправляйся, – отмахнулась она, а я, взяв новое имущество, направилась в палату.

– Эй! Чучело! – В холле у окна меня уже ждала знакомая троица симпатичных девушек, с уродующими их лица подленькими ухмылочками – Так ты, оказывается, уборщица? Может, тогда у нас в палате уберёшь?

От сказанного они сложились в приступе хохота, искоса продолжая следить за моей реакцией.

Я, конечно, человек не конфликтный. Считаю, что лучший способ избежать проблем – промолчать, что мне с этими девицами детей не крестить, поэтому и обращать внимание на их слова не стоит. Однако моя психика за сегодня выдержала столько сокрушительных ударов, что я всё же не справилась с эмоциями и, дождавшись, когда противный смех утихнет, ответила.

– За свиньями – не убираю.

Улыбки с лиц девчонок пропали как по волшебству.

– Что ты сказала? – нахмурилась самая рослая из них и, сжав кулаки, с угрозой добавила: – Мне показалось? Или ты,

уродина, назвала нас свиньями?

«Ну вот кто меня за язык тянул, – тут же пожалела я о том, что не сдержалась и конфликт перешёл на новую стадию. – Пусть бы и дальше поливали меня грязью, главное, чтобы руки не распускали! Это же глупые малолетки, которым нечем заняться! Которые со скуки решили развлечься, считая меня идеальным объектом для своих плоских шуток».

– Она тебя игнорирует, – подначивая подружку, сказала одна из тройки. – Не считает достойной для разговора.

– Чего молчишь? – ещё больше разозлившись, спросила рослая и пошла на меня.

Предчувствуя очередную порцию возможных тумачов моё тело, не отошедшее от вчерашнего избиения, испуганно сжалось, а затем произошло что-то странное.

Время как будто бы замедлилось. Над идущей в мою сторону девушкой появилась какая-то необычная едва заметная дымка, которая, всё больше увеличиваясь с каждым мгновением, словно бы потянулась в мою сторону. Я машинально отступила и попробовала закрыться от неё, но рука задела странную субстанцию и по моему телу словно прошёлся небольшой поток смывающей боль энергии. Он был крайне мал, но из-за моего ужасного общего состояния казался ощутимым.

«Что это было?» – поражённо замерла я, пытаюсь идентифицировать новые ощущения, и машинально отметила, как остановилась только что напиравшая на меня малолетка.

Она словно на невидимую стену напоролась.

Судя по растерянному лицу, девушка в мгновение ока успокоилась и потеряла всякое желание завершить начатое.

– Эй, Даша?! – услышали мы смешок от одной из подруг – Ты её проучишь? Или так и останешься стоять на месте?!

На лице рослой появилось раздражение и злость, направленные уже не на меня, над ней вновь сформировалась дымка, до которой я, в целях эксперимента, дотронулась мысленно и попробовала притянуть к себе.

К моему удивлению, это получилось. Даша вновь успокоилась и быстро придумала рациональное оправдание своим поступкам.

– Да ну её! Страшно эту безобразную уродину руками трогать. Может, у неё лишай какой-то? Или чесотка? Ещё заболею.

– Или сифилис? – предположила третья малолетка, и они с презрительными ухмылками обошли меня по большой дуге и двинулись в сторону неврологического отделения.

Я же всё это время продолжала стоять в испуганной позе и пыталась понять.

«Что это вообще было?!»

Глава 4

Так и не найдя объяснения только что произошедшему событию я в крайне пришибленном состоянии отправилась в палату, но у поста была перехвачена молодой, до тридцати лет, медсестрой со строгим лицом.

– Фролова? – спросила она, нахмутив брови.

– Да, – кивнула я.

– Почему мимо проходишь и про таблетки не спрашиваешь? Лечиться собираешься вообще? – добавила она недовольно.

– Извините, задумалась, – тут же покаялась я, вспомнив, что действительно слышала что-то про них, пост и завтрак. – Можно мне получить таблетки?

– Они у тебя на тумбочке, в пластмассовой крышечке. Сама выпьешь? Или мне тебя проконтролировать? – задала она следующий вопрос, заставив меня мысленно поморщиться.

«Что за пассивная агрессия на ровном месте? Интересно, эта дама со всеми так разговаривает? Или только мне выпала такая честь?»

Медсестра продолжала смотреть требовательно, поэтому я всё же ответила.

– Сама справлюсь.

Она кивнула и бросила мимолётный нечитаемый взгляд

на мои волосы, напоминая, как я сейчас выгляжу, и заставляя смутиться.

– Скажите, а мне можно где-нибудь здесь помыться?

Женщина некоторое время помолчала, ещё раз окинула меня внимательным взглядом, а затем достала с полки какой-то маленький ключик.

– Душевая комната сразу за туалетом. Как помоешься, протрешь за собой пол, откроешь окно на проветривание и позовёшь меня, – она достала из кармана телефон, посмотрела на экран и добавила: – У тебя есть час, потом начнётся обход. Всё понятно?!

– Да, спасибо, – кивнула я довольно и, как могла, поспешила в палату за полотенцем.

«Мыться! Ура!»

Хорошее настроение, что не удивительно, обломала мне Верка, о которой я за всеми новыми непонятными событиями уже успела забыть.

– О! Вы только посмотрите! Наша звезда вернулась! – прохрипела она. – Даже приделась!

Как это ни странно, но Верка полностью соответствовала образу, нарисованному моим подсознанием. Это была короткостриженная неухоженная женщина лет пятидесяти, с болезненно худощавой фигурой, гнилыми и местами отсутствующими зубами, одутловатым землистого цвета лицом и жирной кожей.

«И эта мымра ещё что-то обо мне говорит? – мелькнула в

голове парадоксальная мысль. – Ей молчать надо и мечтать, чтобы никто внимания не обращал».

– У санитарки отобрала, – прокомментировала улыбнувшаяся уголками губ и не отрывающая от телефона Светка, которая оказалась намного более моложавой, подтянутой и ухоженной дамой, чем её соседка.

У неё была аккуратная причёска, свежий макияж, маникюр с изумрудным отливом, симпатичный спортивный костюм чёрного цвета, золотые серёжки в ушах и пара колец на ухоженных пальцах. Завершал образ белоснежный гипс на левой руке. Было заметно, что она очень тщательно следит за собой.

«Как такая женщина вообще могла сойтись с Веркой?! – с недоумением подумала я, глядя на две эти противоположности. – А ведь выглядит неплохо. С виду аккуратная, приличная, знающая себе цену. Так и не скажешь, что гниль внутри бултыхается».

Последней пациенткой нашей палаты, оказалась ранее незамеченная мной молодая крупная девушка лет девятнадцати с простецким конопатым лицом и длинной рыжей косой, которая старалась даже не смотреть в мою сторону.

– Гляди, как зыркает! – хохотнула Верка. – Что, наркоманка? Уже присматриваешь, у кого чего стащить?

Мне очень хотелось ответить ей колко. Напомнить, что это она периодически выпивает по ночам на непонятно какие деньги, но потом вспомнила, к чему чуть не привёл

недавний конфликт с девушками из неврологического отделения и промолчала. Сейчас я была не в той форме, чтобы устраивать противостояние. Меня один удар перешибёт, сбежать не успею. Да и не люблю я такое. Лучше вместо этого спокойно поразмышляю над странным происшествием с дымкой и проанализирую его.

Чётко осознав, что не желаю эскалации конфликта, я решила просто проигнорировать своих недоброжелательниц. Помыла чашку с ложкой, набрала воду и выпила таблетки, затем положила всё в тумбочку, не забыв отправить туда же содержимое кармана, после чего подхватила полотенце и двинулась к выходу, чем заслужила одобрительную улыбку и кивок Глафиры Павловны.

Всё это время переговаривающиеся между собой соседки пытались вскрыть мою броню своими колкостями, и если Света вела себя спокойно, то Верка с каждой неудачной попыткой понемногу зверела.

– Чего молчишь?! – вдруг злобно прокричала она и, схватившись за костыли, встала. – Я тебя спрашиваю!

Этот взрыв её эмоций был очень резким и неожиданным. На несколько мгновений даже показалось, что она с вполне определёнными целями направится ко мне. Тело машинально среагировало на возможную угрозу и сжалось.

Время тут же замедлилось, и я обнаружила над вставшей женщиной быстро растущую дымку. Взгляд скользнул на фигуру Светы, которая словно источала некое марево.

«Хм. Раз представилась такая возможность, то нужно попробовать провернуть тот же трюк, что и в холле. И любительницу костылей успокою, и смогу понять, что вообще происходит», – подумала я и мысленно дотронулась до дымки над Веркой, желая её поглотить.

Мгновение – и эта субстанция, словно по трубе, рванула ко мне и разлилась по телу небольшими, какими-то прогорклыми пучками энергии.

«Получилось! Не знаю что, но получилось!» – восхищённо подумала я и, переведя взгляд на Светку, продолжила эксперимент. Но на этот раз попробовала втянуть в себя лишь часть её марева, а не всё.

Как только мне это удалось, время вдруг вернулось к своему обычному течению, голова закружилась, и я словно сквозь вату услышала голос Глафиры Павловны.

– Отстань от девчонки! Чего ты к ней пристала-то?! Вишь, как сжалась вся?

– А пусть уважает старших! – сориентировалась вмиг лишившаяся злости Верка.

– Теперь будет, – заметила Светка, хохотнув. – Вон как побелела от страха.

Я предсказуемо не стала отвечать на их слова, а вместо этого устремилась в душевую. Перед глазами всё плыло, ноги были ватными, но это не помешало мне найти нужную дверь, открыть её, задвинуть задвижку и рвануть к умывальнику, чтобы выпить воды. Стало легче.

«Что это было? – с недоумением думала я. – Вроде всё получилось. И с Веркой, и со Светой. В обоих случаях был приток энергии. Правда, плохо почувствовала себя лишь после второго. Почему? Что именно стало причиной? То марево над Светой? Его, в отличие от дымки, нельзя было поглощать? Но почему? В чём их различие? Или всё дело в перегрузке организма? И мне нельзя было делать два действия одновременно? А может, моё избитое тело ещё не приспособлено к подобным манипуляциям и вызывает протест?»

Ответов на данные вопросы не было. Для их получения необходимо было продолжать эксперименты, и я на некоторое время задумалась: а нужно ли мне это всё?!

«Конечно, нужно! – через пару секунд поняла я. – Не знаю, что это вообще такое, способности экстрасенса? Или ещё кого? Но они явно могут быть полезны и уже дважды спасали меня как минимум от новых травм. А если вспомнить ощущения после поглощения дымки, то я ещё и оздоравлилась в эти моменты. Но это, конечно, неточно. К тому же нужно понимать, что потеря сознания, перенос в Наташу, замедление времени и поглощение энергии – это всё звенья одной цепи. В предыдущем теле у меня подобных способностей не было. Возможно, если я научусь ими пользоваться, то пойму, что вообще со мной произошло?»

Почувствовав себя лучше, я внимательно осмотрелась по сторонам, обнаружила большое зеркало над умывальником, шкафы с инвентарём для уборки, две старые и массивные

чугунные ванны с китайскими смесителями, один из которых даже был цел, а также большое окно, которое в интересах обеспечения приватности наполовину закрасили белой краской.

«Так, Оля, – подумала я. – Времени для приведения себя в относительный порядок мало, так что давай отложим всякие сверхъестественные штуки до лучших времён и начнём помывку. А то ведь без слёз и не взглянешь. Действительно, какое-то грязное чучело».

Приняв решение, я тут же начала действовать и внимательно осмотрела каждую щель в помещении, благодаря чему стала счастливой обладательницей солидного обмылка с яблочным запахом и запыленного флакона мужского шампуня «Шаума». Правда, последнего в баночке осталось совсем немного и, кажется, именно в этом причина его нахождения под ванной. Бывший владелец, просто не захотел лезть туда из-за такой мелочи, а вот я себе подобной роскоши позволить не могла.

«Думаю, как минимум на один раз мне его должно хватить», – мелькнула в голове счастливая мысль, когда я оценивала количество оставшегося шампуня и одновременно с этим морщилась от боли. Из-за ползания по полу и прилива крови к голове, затылок начал вновь пульсировать, а рёбра – колоть.

Помимо принадлежностей для мытья, в одной из ржавых ванн я также обнаружила резиновую пробку, хотя мне, ко-

нечно, было непонятно, кто осмелится отмокать в столь сомнительной ёмкости, да еще и в больнице. Подумав, нашла, куда её приспособить, и заткнула слив умывальника, превратив его в место стирки своих грязных и потных вещей, на которые было страшно просто смотреть. Оставив одежду отмокать в горячей воде, перевела взгляд на зеркало.

Быстрый осмотр голого худющего тела девочки-подростка заставил меня поморщиться. На груди, плечах, руках и спине обнаружились многочисленные разноцветные следы от ударов и чьих-то сильных пальцев. К сожалению, побитое лицо за это время тоже не изменилось. Что вызвало у меня горестный вздох.

«Хотя, – задумалась я и стала подушечками пальцев аккуратно ощупывать нос, – разве настоящая женщина не сможет увеличить привлекательность даже такого лица?»

Вдумчивое изучение одного из органов чувств показало, что как раз он нигде не болит, не отходит в сторону или вверх при нажатии на кончик.

Решившись, я сняла фиксирующую повязку и с пусть и некоторым трудом, но достала вставленные в ноздри плотные кусочки затвердевшего от запечённой крови бинта. Дышать сразу стало гораздо легче, мир словно преобразился, и даже внешность улучшилась, избавившись от уродующего элемента. Я вновь ощупала освобождённый от всего лишнего симпатичный курносый нос и утвердилась в правильности принятого решения.

О том, снимать ли повязку с головы, вопрос тоже долго не стоял.

«Она и так скоро сама слетит, — думала я, глядя на непонятное нечто. — Да и если я и дальше буду ощущать этот ужасный запах невымытых волос, то меня будет тошнить и без всяких сотрясений».

С лёгкостью размотав бинты, я обнаружила под ними сложенный в несколько раз жёлтый кусок марли с небольшой красной точкой запёкшейся крови в центре.

«Это фурацилин, — опознала противомикробное вещество, а потом оценила диаметр кровавого пятна, — это, значит, у нас размер открывшейся раны. Уже кое-что. Думала, ситуация с головой будет гораздо хуже».

Осторожное прощупывание мягкого и весьма болезненного затылка сопровождалось неприятными уколами в рёбрах из-за поднятой руки, но позволило мне понять, где находится небольшая рана и как лучше мыть голову, чтобы не размочить её водой.

Затем пришла очередь двух повязок на пальцах левой руки, после осмотра которых меня вновь стало мутить. Наверное, впервые на своей памяти я видела чьи-то пальцы без ногтевой пластины, а что ещё хуже, они были моими собственными.

Чего я точно не собиралась делать, так это снимать плотную повязку на рёбрах. Во-первых, она была очень добротно наложена, а во-вторых, боль в этом месте была нешуточной.

Рисковать и лезть туда мне не хотелось, пришлось выкручиваться. Мыться медленно и аккуратно, стараясь не намочить оставшуюся повязку.

Настроив горячую воду в душе, я залезла ванну, с трудом присела и принялась за дело. Плескалась я долго. Сначала дважды помыла слипшиеся и ужасно пахнущие волосы шампунем. Затем, подумав, вновь сходила к умывальнику, выпустила грязную воду и обмыв от пыли найденное мыло, натёрла им свои вещи, а потом, вернувшись вновь в ванну, принялась тщательно натирать потное некогда тело. Повторив процедуру дважды, перешла к подмышкам, грязной шее, ушам и частично мягкому болезненному лицу.

Почувствовав себя словно новым человеком, я некоторое время потратила на то, чтобы потереть трусы и майку, затем сполоснула их и выжала, как смогла. К сожалению, других вещей у меня не было, поэтому пришлось надевать влажное нижнее бельё сразу, надеясь, что оно быстрее высохнет на теле.

Одевшись, я тщательно замотала пальцы бинтами, прошлась по мокрому полу сухой тряпкой, накинутой на деревянную швабру и, приоткрыв окно, двинулась на выход. Остановившись у умывальника и забрала майку, остатки бинтов и напоследок посмотрела в зеркало.

«А что? И неплохо. Как минимум выглядеть стала в несколько раз лучше. Да, всё ещё избитая и с огромными гематомами, да, краше в гроб кладут, но зато чистая и свежая,

без грязи и крови. Сейчас ещё расчешусь, найду резинку, сплету косу и вообще отлично будет!» – пронеслась в голове позитивная мысль.

Выбросив бинты в мусорку в туалете, я подошла к посту, где находилась молодая медсестра с суровым лицом и вернула ключ.

– Помылась? – бросила она на меня внимательный взгляд и, заметив мокрую майку с куском мыла в руках, добавила: – И постиралась?

– Да, – кивнула я, отвечая на два вопроса.

– Пол протёрла? – уточнила она, ещё раз бросив на меня внимательный взгляд и, получив утвердительный ответ, строго спросила: – Подожди, а где твоя фиксирующая повязка на нос? Где «чепец» на голове?! Ты зачем их сняла? Вообще, что ли, двинулась? Хочешь за нарушения режима вылететь?!

Я живо представила, как вся побитая возвращаюсь к ненавидящей Наташу старой бабке и меня передёрнуло.

– Нет! – помотала головой я. – Не надо! Просто на носу повязка на добром слове висела. Как только она слетела, так и сложенные бинты из носа выпали. Они же туда-сюда в ноздре свободно ходили, кроме дискомфорта ничего не приносили.

Медсестра подошла ближе, осмотрела прямой аккуратный нос, легонько надавила в некоторых местах и строго добавила:

– Даже если и так, то ты должна была сказать об этом врачу на обходе! А не заниматься самолечением!

Как грамотно ответить, я не придумала, по факту она была права.

– А что с той? Которая была на голове? – продолжила пытаться меня женщина. – Тоже сама слетела?

– Да эту вообще абы как наложили! – ответила я горячо. – Видимо, спешили, чтобы кровь по-быстрому остановить. Это тогда было оправдано, но за ночь она вся разошлась. Ну сами же видели, что я на пугало похожа. Всё торчало и расходилось! Решила, что раз повязка и так сама слетает, то лучше сейчас волосы полностью помыть и потом прийти с чистой головой.

– Ладно, – через некоторое время ответила медсестра. – Иди в палату. Обход скоро начнётся...

– О! Принцесса вернулась! Чистюля прям! – прокомментировала мой приход заскучавшая Верка. – Как под наркотиками валялась на грязном полу в подъезде, так нормально было, а тут, значит, решила помыться? Думаешь, так тебе морфий будут охотней колоть? Вместо простого обезболивающего?

«Как же она меня всё-таки задрала!» – зло подумала я, ощущая, в том числе, и раздражения от вопросов и тона медсестры.

Стараясь не обращать внимания на слова неадекватной алкоголички, повесила майку на находящуюся поблизости

батарею и положила в тумбочку остатки мыла, после чего села на кровать и стала вытирать волосы полотенцем. Сначала убрала дополнительную влагу, а затем и соорудила тюрбан.

«Думаю, минут через пятнадцать волосы станут достаточно сухими и можно будет расчесаться, – подсчитала я. – Надеюсь, Глафира Павловна со мной поделится своей массажкой».

– Ой, я ошиблась! Это же не принцесса, а султанша! – вновь прокомментировала мои действия Верка.

– К приходу врача готовится, – хихикнула Светка. – Ну а что? Он мужчина видный, может же понравиться молодой пигалице?

Верке я мысленно посоветовала сходить в душевую самой, а вот над словами Светы задумалась. Её фраза показалась мне странной.

«При чём здесь врач? И то, что он видный мужчина? – подумала я. – Может, это так называемая оговорка по Фрейду? И она равнодушна к нашему доктору? Надо бы запомнить».

Глафира Павловна вновь предприняла попытку за меня заступиться, но от неё отмахнулись, словно от мухи, вызывая сильнейшее раздражение. Что примечательно, выглядела она совершенно спокойно, но я лишь скосила глаза и тут же увидела над ней растущую дымку, часть которой машинально потянула к себе.

Пожилая женщина тут же облегчённо выдохнула, а я за-

думалась.

«Хм. А как я поняла, что она именно раздражена? Почему время замедлилось само и без угрозы для жизни? Почему сейчас, после использования этой силы, не закружилась голова? Хм. Возможно, потому, что это было не непонятное пока марево, как у Светки, а сильная эмоция, проявление которой я каким-то образом могу увидеть и ощутить?»

Мысль показалась интересной.

«Получается, я энергетический вампир? Который может высасывать из человека эмоции, преобразовывать их для своей пользы, и оставлять донора слово опустошённым? Так это вроде в книгах описывают? Хм. Интересное предположение. Нужно его проверить. Особенно в свете того, что после поглощения дымки я чувствую себя немного лучше, а организм Наташи требует серьёзного и длительного лечения».

– Глафира Павловна, – обратилась я к старушке, – я могу попросить у вас массажку?

– Конечно, деточка! – закивала она и, достав из тумбочки современного вида небольшую розовую расчёску, протянула мне. – Правнучка собираться помогала, вот и положила в пакет. Да только непривычно мне такой волосы расчёсывать. Я по старинке. Гребешком люблю.

– Вы что, Павловна! – всплеснула руками Верка и с недоумением добавила: – Она ж, наверное, со вшами и всякими сифилисами, которые потом вам перейдут!

– Сама ты со вшами! – огрызнулась пожилая женщина,

вновь раздражаясь. – Девочка как проснулась, поела, так пошла мыться и в порядок себя приводить! А вот ты за неделю ни разу в душевую не зашла!

– Я в понедельник ходила! – возмутилась Верка.

– Не видела! – жёстко ответила старушка.

«Ну-ка, давай, зрение! Не подведи! – мысленно взмолилась я, пытаюсь разглядеть дымку над Веркой, и у меня с лёгкостью получилось. – А теперь не будем забирать себе всё, а лишь то, что будет подниматься слишком высоко. Проверим, что будет, если не выкачивать всё и сразу».

От напряжения на лбу выступил пот, но совершить задуманное мне всё же удалось, и два тонких потока энергии, от Глафиры Павловны и от Верки, стали поступать ко мне. Так продолжалось примерно на протяжении минуты, пока женщины не высказались и не стали успокаиваться. Только тогда я забрала две трети оставшейся дымки и пожелала выйти из своего странного состояния.

Получилось. Дымка пропала, и время вернулось к нормальному течению.

«Получается, я могу подпитываться эмоциями некоторое время, а не выпивать их зараз?» – подумала я довольно, ощущая лёгкость во всём теле и прилив силы, но меня отвлекла Глафира Павловна.

– Знаешь что, Наташка, – всё ещё раздражённым голосом сказала она, не отойдя от перепалки – А забирай эту расчёску себе. Я тебе её дарю.

– Вы что?! – вновь подорвалась Верка. – Зачем! Она ж на дозу поменяет!

– Да заткнись ты! – отмахнулась старушка и вновь посмотрела на меня. – Вон какие у тебя волосы длинные, каждый день за такими ухаживать надо.

– Ой, а я не могу, – несмотря на привлекательность подобной идеи, сказала я. – Это же вам правнучка подарила. Ей будет неприятно, что вы мне её просто так отдали. Но вот взять расчёску на время, попользоваться, я не откажусь.

– Ну, – задумалась старушка и улыбнулась. – Это ты про внучку хорошо сказала. Давай так сделаем.

– Нашла себе жертву и втирается в доверие, – громким шёпотом произнесла Верка, – скоро деньги начнёт просить.

Глафира Павловна закатила глаза, а я вернулась на кровать, сняла полотенце и начала расчёсываться.

«А ничего так у Наташи волосы, – думала я, глядя на достаточно длинные, почти до пояса, иссиня-чёрные локоны, – кончики, конечно, пора бы обрезать, но и так всё выглядит вполне пристойно».

Дойдя до затылочной части, я стала перед зеркалом и чуть повернулась. Хотелось сделать всё аккуратно и не зацепить рану

«А так я ещё лучше выгляжу, по-человечески хоть, – пронеслась в голове довольная мысль. – Через несколько дней лечения и отдыха меня вообще будет не узнать. Интересно, а какой я стану без всех этих отметин?»

– Хех, наркоманка, а любит себя, – вновь вспомнила про меня Верка.

Я бы наверно промолчала, но лёгкость в теле и ощущаемая сила придали уверенности. Да и устала я уже молчать, не реагируя на постоянные комментарии не нравящегося мне человека. Поэтому развернулась и неожиданно для всех спросила:

– Верка, у тебя что? Телефона нет? Открой его, книгу почитай, отстань от меня наконец.

– Что ты сказала? Какая я тебе Верка?! Вероника Михайловна! По имени и отчеству! И на вы! Поняла, сопля малолетняя? – взревела женщина и над ней вновь стала формироваться дымка, только теперь в несколько раз больше и плотнее, чем во время ссоры со старушкой. Я тут же мысленно до неё дотронулась и вновь ощутила поток какой-то прогорклой энергии.

– Не поняла, – покачала головой я и почувствовала увеличение потока. – Мне неинтересно, как тебя звать. Всё равно. И я надеюсь, что у нас это будет взаимно.

– Я тебя сейчас этим костылём по спине как перетяну! Понятно?! – вскочила Верка с кровати и угрожающе подняла приспособление для ходьбы.

– Давай, – из-за всё усиливающегося потока энергии продолжила дразнить её я. – Действуй. Прямо по спине мне бей. Я тогда сразу к врачу пойду и пожалуюсь. Пусть он тебя за нарушение режима выписывает.

Верка вся покраснела, её глаза налились кровью, а пальцы побелели от той силы, с которой она сжимала костыль. В её дымке даже сформировались какие-то красные всполохи, и только тогда я поняла, что перестаралась. Показалось, что она действительно сейчас кинется на меня.

Мысленное усилие, и дымка начинает перетекать ко мне всё быстрее, но по какой-то причине количество её вокруг Верки почти не уменьшается.

– Плевать! – наконец-то сказала женщина – Я тебя сейчас так отмудохаю, что в реанимацию отправишься!

– А ты сразу в тюрьму, – напряжённо ответила я, пытаюсь втянуть в себя всё больше и больше чужих эмоций.

«Давай! Давай же! – с лёгким страхом думала я, понимая, что если не переломлю ситуацию, то она действительно на меня накинется. – Видимо, разговор с Глафирой Павловной её лишь раззадорил, а тут я ещё».

В следующий момент я разом сократила дымку на треть, и из неё тут же пропали алые всполохи.

– А ну-ка перестань! – грозно сказал Глафира Павловна. – Права Наташа. Не трогай её и всё. Она же к тебе не лезет.

– Ну ничего, – сказала с угрозой уже успокоившаяся Верка оставшаяся почти что без дымки. – Встретимся дома, после больницы, я покажу тебе, как старших уважать.

– Глафира Павловна для меня старшая и уважаемая, – едва ворочая языком ответила я и благодарно кивнула пожилой женщине, после чего, чувствуя себя усталым воздушным

шариком, словно бы накаченным энергией, вернулась в кровать.

«Чем больше узнаю об этой странной силе, тем больше вопросов возникает, – пронеслось в голове. – Почему появились те красные всполохи в дымке? Почему мне стало трудней поглощать энергию с ними? Почему эта серая область долгое время не уменьшалась? Что такое дымка в принципе? Эмоции? Или смешение их с какой-то энергией? Почему в этот раз замедление времени было не таким сильным? Или... Стоп. Я вряд ли настолько могущественна, чтобы воздействовать на такую непрерывную физическую величину, как Время. Скорее, это я сама на краткий миг каким-то образом ускорила под воздействием грозящей опасности. Да. А вот это уже похоже на правду».

Спустя несколько минут, за которые мне так и не стало легче, в помещение наконец вошёл наш лечащий врач вместе с уже знакомой строгой медсестрой. Это был крепкий высокий мужчина лет пятидесяти с аккуратной причёской, свежевыбритым подбородком и в очках в дорогой оправе. Он был одет в однотонную рубашку, идеально отутюженные брюки, белоснежный халат и стильные мокасины. После его прихода палата тут же наполнилась ароматом качественного парфюма, отчего Светка как-то по-особому вздохнула, ну или мне это просто показалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.